

разные пути молдавской и российской компартий

Люк Марч

Впечатляющие успехи на выборах, в результате которых к власти во многих посткоммунистических странах вернулись «партии-преемницы», которым «в наследство от бывших правящих партий достались ресурсы и кадровый состав» (Ishiyama, 1999a), породил не менее впечатляющий вал посвященной этому феномену литературы.

Однако, несмотря на объем написанного, на сегодняшний день остаются несколько белых пятен. Во-первых, все работы в большей степени сосредоточены на странах Центральной и Восточной Европы, чем на бывших советских республиках (Bozóki and Ishiyama, 2002a; Racz and Bukowski, 1999). Кроме того, в основном внимание уделялось «социал-демократическим» партиям-преемницам, считающимся более динамичными и успешными, чем партии некоммунистического толка, которые, напротив, обычно рассматривались как примеры «неудавшейся партийной перестройки» (Grzymała-Busse, 1999, 2002). И хотя появляется все больше публикаций, посвященных конкретным партиям (e. g. Curry and Urban, 2003; Ishiyama, 1996; March, 2001; Sakwa, 1998a; Sakwa, 1996; Urban and Solovei, 1997), и даже вышли несколько работ, где дается их сравнительный анализ (Ishiyama, 1999b; March, 2002), ни один из авторов еще не попытался сформулировать общее объяснение феномена сохраняющейся значимости многих относительно «неперестроившихся» или «ортодоксальных» партий-преемниц в бывших советских республиках, например, в Украине, Беларуси и Латвии, которые, несмотря на то, что им уже давно было предсказано полное забвение как отжившим свой исторический век, проявляют удивительную жизнестойкость.

В настоящей статье предлагается сравнительный анализ развития двух таких некоммунистических партий-преемниц — российской КПРФ и молдавской ПКРМ. Это две наиболее влиятельные партии-преемницы КПСС, пути которых, однако, резко разошлись. КПРФ стала главной оппозиционной силой на всеобщих выборах в середине 90-х, однако при Путине ее популярность среди избирателей стала падать, и она, похоже, навсегда вытеснена в категорию маргиналов. Ее молдавская сестра, напротив, представляет собой единственный случай на постсоветском пространстве, когда демонстративно нераскаившаяся компартия вернулась к власти. Однако это явление не привлекло достаточного внимания академических кругов¹. По-прежнему нет ответов на вопросы — почему она оказалась столь успешной и что же это за партия?

При изучении этих партий мы стремились а) объяснить сходства и различия в их развитии, и б) проверить существующие объяснения эволюции партий-преемниц, которые редко применяются в отношении некоммунистических партий, чтобы, насколько это возможно, выработать метод, позволяющий понять, как им удастся сохранить свои позиции². Мы полагаем, что хотя методические подходы, уделяющие основное внимание историческому наследию и обстоятельствам «периода становления», могут много объяснить в происхождении партий и их политическом профиле, они гораздо менее эффективны, когда нужно объяснить возвращение этих партий в «большую политику» и особенности их развития в долгосрочной перспективе. В частности, успех ПКРМ в сравнении с ситуацией, в которой находится КПСС, объясняется, на наш взгляд, более благоприятной политической атмосферой (парламентская система и худшее экономическое положение), а также (и прежде всего) сильным коммунистическим руководством и слабой оппозицией.

ОБЪЯСНЕНИЯ УСПЕХА «ПАРТИЙ-ПРЕЕМНИЦ»

В общих чертах можно утверждать, что были сформулированы четыре типа взаимодополняющих объяснений успеха партий-преемниц: методические подходы, основанные на структурно-историческом наследию; подходы, исходящие из особенностей «периода становления»;

1. См. Недавнюю попытку восполнить этот пробел: March (2005; 2006; 2007).
2. Определение «некоммунистические партии-преемницы» соответствует самохарактеристике многих «неперестроившихся» коммунистических партий-преемниц как «новых» коммунистов, заново основывающих коммунизм (Cf. Hanley, 2002). Она выглядит предпочтительнее формулировки Ишиямы: «партии-преемницы компартий», которая охватывает все такие партии независимо от их нынешней идеологической окраски. Но при этом надо учитывать, что «воссозданный» коммунизм является чем-то очень противоречивым и зачастую глубоко консервативным (см. March, 2001).

подходы, исходящие из доминирующей роли среды, а также подходы, при которых наиболее важным фактором считается способность элит к политическому действию³. Мы рассмотрим каждый из них по порядку.

Структура и наследие

В работе Герберта Китчелта, оказавшей большое влияние на многих исследователей, основной упор делается на то, как мощь, политическая значимость и возможности, раскрывающиеся перед партиями-преемницами, связаны с особенностями исторической практики прежних коммунистических режимов (Kitschelt, 1999). Наибольшую роль для Китчелта играют такие факторы, как докоммунистический исторический опыт, методы, которые коммунисты использовали для захвата власти, а также отношения господствовавшей компартии с обществом и оппозицией. Китчелт считает, что коммунистическое наследие бывшего СССР — это наследие «вотчинного коммунизма». Имеется в виду, что в странах со слабыми демократическими традициями, в которых к моменту прихода коммунистов к власти царили отсталость и авторитаризм, компартия могла перенять традиционную иерархическую социальную структуру и укорениться в политической системе глубже, чем в странах, которые в прошлом были более либеральными и развитыми. В результате сформировались авторитарные системы, которые опирались на сложившуюся разветвленную структуру клиентелы. Такое наследие дало возможность политической элите нанести превентивные удары, чтобы обеспечить защиту своих позиций, что привело к «перекоосу» в балансе политических сил в посткоммунистических странах, когда силы *ancien regime* сохранили свои позиции благодаря «правилам игры», при которых власть должна быть персонализирована и опираться на существующие системы связей и авторитет, а их соперники от оппозиции оказались относительно слабыми.

Видоизмененный исследовательский метод объяснения успехов партий-преемниц доставшимся им наследием, который был разработан Гржимала-Буссе (2002), более ясно демонстрирует, как коммунизм мог быть конвертирован в пост-коммунистический политический успех. Гржимала-Буссе выявила два наиболее важных аспекта этого наследия. Во-первых, это так называемые переносимые навыки элиты, которые пригодились в новой ситуации, в том числе

3. Эти категории заимствованы нами у Щербяка (2003). Основное различие заключается в расширении нами третьей категории за институциональные рамки и включение сюда таких аспектов окружающей политической среды, как «удобные» проблемы, которыми можно воспользоваться, а также партийное соперничество, как это предложено Ишиямой (1995, 1997).

умение достигать компромисс, проводить переговоры и видоизменять тактику. Во-вторых, это «полезное прошлое», то есть список положительных прошлых достижений коммунистов, которые совпадали с тепершними желаниями населения и могли подкрепить претензии пост-коммунистов на то, что они могут компетентно управлять. Для Гржимала-Буссе, в отличие от Китчелта, наследие десятилетий, непосредственно предшествовавших краху коммунизма, является более важным, нежели опыт раннего коммунизма или периода, непосредственно предшествовавшего приходу коммунистов к власти. Что же касается «неперестроившихся» партий, которые отказались «социалдемократизироваться» (как КПРФ и ПКРМ), то Китчелт полагает, что их успех основывается на том же политическом «капитале» (средствах и возможностях), который, в отличие от своих соперников, сохранили все «поствотчинные» партии, а Гржимала-Буссе, напротив, считает, что их политический капитал ничтожен; у «неперестроившихся» партий-преемниц нет «переносимых навыков», и их успех в гораздо большей степени был обеспечен слабостью демократии и их демократических оппонентов, чем собственными усилиями (Grzymała-Busse, 2002).

Период становления

Ряд методических подходов исходит из того, что выбор, который делают политические деятели, или же чисто случайные события в «критические моменты» (когда институты в переходный период находились в процессе формирования), могли определить «русло», в рамках которого стали развиваться дальнейшие события, т. е. выступили в роли фактора, ограничившего для политических деятелей дальнейший выбор возможностей. Например, теоретики «переходного периода» доказывают, что «способ перехода» играет особенно важную роль: то, какую форму приняло падение коммунистического режима, имеет долгосрочное воздействие на политическое и электоральное поведение (см., например: Linz and Stepan, 1996). Другие же, следуя за Панебянко, обращались к истокам формирования партии (руководство, оргконтроль, а также события в стране в период формирования) как к факторам, повлиявшим на развитие «даже десятилетия спустя» (см.: Panebianco, 1998; Lewis, 1994).

Что же касается партий-преемниц, то, согласно Гржимала-Буссе, «переносимые навыки», сложившиеся у руководства ориентированных на реформы партий еще до их создания, могут быть определяющим фактором их выживания и успеха. По ее словам, именно «переносимые навыки» способствовали принятию правильных решений в период становления, в 1989–1991 гг. Речь идет об организационном центризме, решительном разрыве с прошлым и быстрой формулировке нового политического курса (Grzymała-Busse, 2002). Ишияма (1995),

однако, видит в этих решающих трансформациях следствие не столько навыков руководства и организационной перестройки, сколько идеологии элиты: победители во внутривнутрипартийной борьбе переходного периода (борьбе, которая уже сама по себе была под большим влиянием наследия) определяют программу посткоммунистического развития партии. Схожую мысль высказывают Керри и Урбан (2003), которые отмечают, что общий опыт, пережитый в 1989–1991 гг., возымел продолжительное воздействие на восприятие окружающей политической среды и поведение элиты партии-преемницы, а также на перспективы партийных преобразований. И, наконец, то, с каким финансовым, материальным и организационно-политическим капиталом (таким как, например, связи с профсоюзами) партия-преемница выходит из периода становления, также может иметь долгосрочное воздействие (Orenstein, 1998).

Факторы окружающей социальной и политической среды

Политическая среда и структура стимулов, которые она порождает, имеют долгосрочное значение для партий-преемниц. Особенно бросается в глаза роль того, что Ишияма (1995, 1997) назвал «щелями в политическом пространстве». Главными среди них являются возможности институционального характера, которые открываются разными системами проведения выборов и законами о выборах. В частности, парламентские режимы и система пропорционального представительства могут обеспечить максимум политического пространства для появления и развития новых партий, в то время как системы президентского правления и мажоритарных округов, напротив, сдерживают партийное развитие (Grofman and Lijphart, 1986; Shugart and Carey, 1992). Большое значение также имеет структура партийной конкуренции: на позицию партии-преемницы, вероятно, будет влиять наличие или отсутствие сильных соперников (особенно на левом фланге). Сильный соперник слева ограничит варианты политического выбора и возможности, которые могли бы открыться перед партией-преемницей (Ishiyama, 1997, Cox, 1987). На втором месте находятся «удобные» проблемы, которыми партия может воспользоваться. Наиболее успешные стратегии партий-преемниц основываются на «культуре социалистических ценностей», то есть на широко распространенной ориентации на всеобщее социальное обеспечение (Mahr and Nagle, 1995). Успешные партии-преемницы будут обещать экономическую защиту и новую коллективную идентичность, которая заменила бы коммунизм. И, наконец, крайне важен выбор категории избирателей, к которой будет апеллировать партия; там, где есть серьезный этнический раскол или разрыв между центром и провинциями, они могут способствовать формированию апелляций к избирателю, основанных на национализме (как у сербской Социалистической партии)

либо на регионализме (как у германской Партии Демократического Социализма) (Ishiyama, 1998). Однако, в целом, наиболее успешные партии смогли найти подход ко всем слоям общества — и к выигравшим и к проигравшим от посткоммунистической трансформации (Grzymała-Busse, 2002).

Способность элиты к политическому действию

Роль тактики и стратегии политических игроков переходного периода остается предметом споров (Mahoney and Snyder, 1999). Те, кто ставит во главу угла период становления, считают, что действия партийного руководства в основном имеют значение в период формирования партии, а те, кто делает упор на культурно-историческом наследии, подчеркивают роль исторических и институциональных ограничений диапазона возможных политических действий (Kitschelt, 1995). Но есть и авторы, которые считают, что решительное руководство может преодолеть структурные препятствия или последствия прежних политических решений (Fish, 2001). Если это так, то действия и способности политиков могут сыграть ряд ролей в деятельности партии-преемницы: а) объединенное и сплоченное партийное руководство поможет объединить партию и укрепить ее политическую институционализацию (Szczerbak, 2003); расколотое руководство, наоборот, будет способствовать раздроблению партии на фракции и дрейфу ее политического курса (см.: Lewis 2000); б) политическое руководство будет влиять на способность партии реагировать должным образом на окружающую политическую среду как в плане краткосрочной тактики, так и в разработке долгосрочной выборной стратегии; в) аналитики отметили повышенную роль персонализированного лидерства в недостаточно институционализированных партийных системах, особенно в странах бывшего «вотчинного коммунизма» (Lewis, 2000); Панебианко (1988) также отмечает, что излишняя зависимость от харизматичного лидера может препятствовать институционализации партии и ее дальнейшему выживанию.

Из вышеизложенного обзора литературы мы можем разработать несколько версий объяснения успеха КПрФ и ПКРМ:

- а) Будучи республиками СССР, как Россия, так и Молдова испытали ту форму коммунистического правления, которую Китчелл назвал «вотчинным коммунизмом».
- б) Наследие «вотчинного коммунизма» способствовало успешному созданию некоммунистических партий-преемниц в результате того, что 1) правящей партии удалось удержать в своих руках значительные материальные ресурсы и систему клиентелы (тезис Китчелта), и/или 2) демократия и политические соперники партий-преемниц настолько слабы, что власть, практически из-за отсутствия альтернатив, остается

в руках неперестроившейся партийной элиты, хотя она так и не освоила искусство ведения политической борьбы (тезис Гржимала-Буссе).

- в) «Переломные ситуации» в переходный период 1989–1991 гг., такие как организационная централизация, возникновение профессионального объединенного руководства и идеологический разрыв с прошлым, определяют в долгосрочной перспективе организационную и идеологическую стратегию партии и в значительной степени — успех партии.
- г) Долгосрочная траектория развития партий-преемниц во многом должна определяться институциональными стимулами, возможностями использования существующих в обществе проблем и политическим соперничеством. Такие факторы, как парламентский режим, электоральная система, которая предусматривает пропорциональное представительство, экономические трудности и отсутствие серьезной конкуренции, скорее всего, приведут к успеху партии-преемницы на выборах.
- д) Умелое руководство ведет к созданию идеологически и организационно единой партии-преемницы, а успешные стратегия и тактика способствуют максимальному использованию возможностей, предоставляемых окружающей политической средой.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПУТИ ВОЗВРАЩЕНИЯ НЕОКОММУНИСТОВ

Теперь мы посмотрим, какую роль вышеизложенные факторы сыграли в эволюции КПРФ и ПКРМ, а затем перейдем к оценке их относительной объясняющей силы.

Российское наследие «национал-большевизма» и бюрократии

Российская коммунистическая традиция имеет явно «вотчинно-коммунистические» аспекты. Отсутствие демократического опыта до 1917 года способствовало успешному укоренению КПСС в обществе. В результате Первой мировой войны и революции 1917 года была уничтожена зачаточная индустриализация страны, проведенная царским правительством. В начале 20-х годов прошлого века Россия в значительной степени представляла собой «демодернизированную» страну, и марксистско-ленинская идеология, проповедовавшая управление из центра, способствовала созданию вездесущего тоталитарного партийно-государственного аппарата, склонного работать в режиме секретности, с персонализированным культом личности и стремлением к тотальному контролю над общественной, экономической и политической жизнью, который после смерти Сталина выродился в более олигархический режим с клиентельной системой правления (Sakwa, 1998b; Ward, 1999).

Два наиболее важных элемента наследия КПСС — это национал-большевизм и глубокая укорененность советского бюрократическо-

го государства. То, что Октябрьская революция 1917 года была эндогенным явлением, а не была привезена, как в других странах, на советских танках, имело громадное значение. Когда мировая революция провалилась и возникла доктрина построения «социализма в одной стране», произошло «протонационалистическое» слияние защиты революции со «священным эгоизмом советского государства» (Deutscher, 1966), и режим, особенно явно при Сталине, стал опираться на «национальный большевизм». Эта идеологическая тенденция поддерживала коммунизм скорее из-за его вклада в имперское величие и статус сверхдержавы, чем из-за его научно-теоретического обоснования. Советские руководители более позднего периода также периодически использовали национал-большевизм, все чаще подчеркивая достижения советского «патриотизма» и статус сверхдержавы, и все реже — обещания бесклассового будущего (напр. Brandenberger, 2002).

Брежневская «кадровая стабильность» подтверждала тезис Троцкого о советской бюрократии как эгоистичном и паразитирующем псевдоклассе. Несомненно, на деле даже сталинистская система была более сложной, чем просто диктаторское, жестко иерархическое, монолитное и монополистское полицейское государство и партийное государство, предполагаемое моделью «тоталитаризма». Но эта модель отражает жесткость советской власти и идеологии

Игорь Мухин (Россия).
Из серии «Детские
площадки» (8). 1988–89,
ч/б фотография,
30×40 см. Работа
предоставлена галереей
Марата Гельмана

Игорь Мухин (Россия).
Из серии «Детские
площадки» (2). 1988–89,
ч/б фотография,
30 × 40 см. Работа
предоставлена галереей
Марата Гельмана

и при Сталине и даже после Сталина, когда стремление к полному общественному и идеологическому контролю время от времени получало подтверждение, а возрастающее сопротивление системы любым существенным переменам эволюционного характера значительно усугубило со-

циально-экономический кризис 70–80-х годов. На смену партийным чисткам сталинистского периода пришли отношения между патроном и клиентом и кадровый застой. Советский Союз 70-х годов стал «неотрадиционалистским режимом», консервативным и глубоко коррумпированным (Jowitt, 1983). К 80-м годам КПСС казалась совершенно не реформируемой. Это была бюрократическая организация численностью в 19 миллионов человек, воспитанная в традициях административного руководства, ревностно защищающая свои обширные привилегии, осознающая угрозу своим интересам со стороны «социалистического плюрализма мнений», на котором настаивал Горбачев, неуклюжая и неспособная предупреждать подобного рода вызовы собственными превентивными инициативами. Собственно говоря, именно осознание Горбачевым этого бюрократического сопротивления и продиктовало эволюцию его программы перестройки, когда он пытался ограничить номенклатурные привилегии посредством введения гласности, а также ограничить политические и экономические функции партии.

Россия была единственной из пятнадцати советских республик, у которой не было собственной республиканской партийной организации. Советское руководство опасалось, что такое крупное подразделение могло бы поставить под сомнение смысл существования самой КПСС. Опасения оказались ненапрасными, когда партийные консерваторы отреагировали на перестройку созданием в июне 1990 года первого воплощения КПрФ — Коммунистической партии Российской Советской Социалистической Федеративной Республики (КП РСФСР) как составной части КПСС. С самого начала это была явно антире-

формистская организация, в которой доминировали неоккоммунисты и национал-большевики. Своим лидером они выбрали открытого критика Горбачева — Ивана Полозкова. Но в своем первом воплощении КПрФ была слабее, чем представлялась, и ее успехи были незначительными. Собственно, основным достижением КП РСФСР был полный паралич дальнейших внутривнутрипартийных реформ, что лишь подстегнуло выход из партии прагматиков (как Борис Ельцин). Более того, КП РСФСР оказалась глубоко расколотой и не смогла решиться на окончательный разрыв со все более маргинализируемой КПСС и с Горбачевым (который сумел в августе 1991 года добиться смещения Полозкова с поста первого секретаря и замены его более умеренным Валентином Купцовым) и сформировать образ независимой политической силы. Все это привело к тому, что КП РСФСР утратила поддержку в массах и ее членский состав пошел на убыль, и в конечном счете к той жирной точке, которую после августовского 1991 г. путча (к которому, что особенно характерно, партия практически не была причастна) поставил на ее истории Ельцин, объявив о ее запрете и о конфискации ее имущества.

Молдавское наследие: национал-коммунизм в искусственном государстве

Молдавское наследие является более сложным примером вотчинного коммунизма. Собственно говоря, до 1991 г. у Молдовы вообще не было ни национальной государственности, ни демократии. Она была экономическими задворками и сельскохозяйственным придатком больших империй (и составной частью Российской империи с 1812 по 1917 гг.) В 1901–1902 гг. именно в Кишиневе начала впервые подпольно печататься ленинская «Искра». Однако большевистское влияние в Бессарабии (т. е. территории империи между Днестром и Прутом) было крайне слабым. С 1917 по 1940 г. Бессарабия была составной частью Румынии, которая сама была сельскохозяйственной страной, в которой процветал крестьянский популизм, а левые политические традиции были крайне слабы. Румынская компартия была слаба и расколота (Manoliu-Manea, 1983).

После Второй мировой войны была создана Молдавская Советская Социалистическая Республика (МССР) — химерический продукт слияния Бессарабии и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики (МАСССР), существовавшей на восточном (левом) берегу Днестра (регион, именуемый Приднестровьем), причем обе половинки новой республики уступили часть своей территории Украине. МАСССР была абсолютно искусственным образованием, созданным в 1924 г. с тем, чтобы обосновать претензии Москвы на прилегающую Бессарабию. В прошлом она была частью Украины с преимущественно славянским населением и, в отличие от Бессара-

бии, никогда не была частью ни исторической Молдовы, ни Великой Румынии.

В конце 40-х годов прошлого века, после периода жестоких депортаций, чисток и коллективизации, советской власти удалось укорениться в Молдавии. Этот процесс был облегчен небольшими размерами республики, ее сельской инфраструктурой и опустошениями времен войны. Поскольку Приднестровье уже прошло через стадию коллективизации и индустриализации, и в межвоенный период оставалось лояльным форпостом сталинизма, оно выступило в качестве «атома социалистического строительства» внутри нового государственного образования (King, 2000).

Опытные и лояльные кадры, которые были завезены с левого берега и других регионов СССР и которым отдавалось предпочтение перед кадрами из бывшей «буржуазной» Бессарабии, стали новой элитой страны — абсолютно русифицированной и с полным отсутствием исторических корней⁴. Новая Коммунистическая партия Молдавии (КПМ) стала «слепым инструментом в руках Москвы» (Dima, 1991). Руководство молдавской компартии было одним из наиболее «вотчинных» в СССР, и Молдавия являлась «удельным княжеством» первых секретарей и брежневских протеех Ивана Бодюла (1961–1980) и Семена Гроссу (1980–1989) (King, 2000). С этим связана и относительная отсталость Молдавии по сравнению с другими республиками европейской части Советского Союза — по уровню коррупции, богатства, урбанизации, индустриализации и продолжительности жизни она была ближе к Средней Азии, чем к европейским республикам.

В отличие от КПСС, приход КПМ к власти был следствием военного захвата, а не эндогенной революции, поэтому она пыталась заручиться легитимностью посредством искусственного национализма, смысл которого заключался в проведении разграничительной линии между молдаванами (в 1989 году — 65 процентов населения республики) и румынами. Хотя есть данные о существовании некоторой молдавской идентичности и до коммунистического периода (многими этот тезис, однако, яростно оспаривается), попытка доказать наличие особых молдавских истории, национальности и культуры, а также «молдавского» языка (с использованием букв кириллицы и периодически подвергавшегося славянизации) носила чисто политический характер. Однако, когда и Румыния, и Молдавия стали после 1944 года коммунистическими государствами, контакты между ними постепенно усиливались, что привело к начавшемуся в 60-е годы процессу «тихой румынизации молдавской интеллигенции» (King, 2000).

4. Бессарабские коммунисты до смерти Сталина даже не принимались в КПМ. И это несмотря на то, что они были самым лояльным просоветским ядром компартии Румынии в межвоенный период (King, 2000).

Однако этническая и региональная матрица, на которую была наложена партийная структура, представляла собой потенциально взрывоопасную смесь. Русские и украинцы доминировали в городской промышленности, тогда как молдаване были сосредоточены в сельской местности, а также секторах, не требовавших высокой квалификации. Однако постепенно они начали становиться большинством в партии. В культурном и языковом аспекте элита правого берега становилась все более молдавской, тогда как на наиболее важных руководящих должностях продолжали доминировать в большей степени «советизированные» кадры с Левобережья — до 1989 года, когда первым секретарем КПМ стал бессараб Петру Лучинский, все первые секретари были родом либо с Украины, либо из Приднестровья. Так же, как и Борис Ельцин в России, оппортунистически настроенные коммунисты, вроде секретаря ЦК ПКМ Мирча Снегура (представлявшего бессарабскую элиту, в культурном и языковом аспекте более молдавскую), стали в своем противостоянии с просоветски настроенной приднестровской элитой успешно прибегать к «лозунгам культурного возрождения и национальной солидарности» чтобы заполучить в союзники нарождающееся национальное движение (King, 1995). Парализованное внутренними раздорами и нерешительностью коммунистическое руководство заняло пассивную позицию, что способствовало радикализации требований молдавского Народного фронта — от требований, связанных с экологией до повышения статуса молдавского языка, а в конечном счете — и до требований суверенитета и прекращения партийного правления⁵.

Как повсюду в СССР, партийное единство в Молдавии было разрушено в период февральско-мартовских выборов 1990 года, когда местные элиты стремились «республиканизироваться». В России полная «республиканизация» компартии не состоялась в силу практического отсутствия до 1990 года российских республиканских институтов, а также в результате альянса между коммунистами-консерваторами из рядов КП РСФСР и националистами — «спасателями империи», как Александр Проханов и Валентин Распутин, которые рассматривали КПСС как средство сохранения СССР. Кроме того, все большая склонность Михаила Горбачева к позиции «спасения империи» в противовес процессу республиканизации, а также его укреплявшийся в 1990–1991 гг., союз с партийными консерваторами, помогли продлить партии жизнь до самого августовского путча 1991 года.

КПМ, наоборот, быстро капитулировала. Сотрудничество между Народным фронтом и инакомыслящими коммунистами позволило им обеспечить себе большинство в Верховном совете Молдавии. Снегур стал

5. Кроутер (1990) считает, что эта пассивность была результатом как антиперестроечной позиции группы Гроссу, так и позиции, которую можно определить как «подождем и поглядим», занятой реформистскими силами, рассчитывавшими на то, что Гроссу в конце концов будет убран руками Москвы.

председателем Верховного совета, то есть фактически — президентом республики, а в мае 1990 года к власти пришло правительство Народно-го фронта. Комсомольская и пионерская организации были быстро распущены, а партия оказалась в «оппозиции» (*Советская Молдавия*, 1990). Закат компартии был ускорен революцией в Румынии. Развал КПМ был усложнен национальными и региональными факторами. От нее откалывается консервативное крыло, сторонники которого были сконцентрированы в двух регионах — Приднестровье и Гагаузии, где они закрепили свой контроль (Roper, 2002). Но раскол охватывает и партийную организацию Правобережья: консервативная партийная интеллигенция, городское русскоязычное население и некоторые представители кишиневского партаппарата создают движение *Unitate – Единство* для защиты русскоязычных меньшинств от прорумынского Народного фронта (Duer, 1996). В Приднестровье был сформирован ОСТК (Объединенный Совет трудовых коллективов). Но хотя ОСТК принял на вооружение те же идеи, что и *Unitate – Единство*, в организационном и культурном плане между ними были большие различия: ОСТК основывался на профсоюзах и управленческих структурах (в основном — Левобережья) и все более активно продвигал идею приднестровского сепаратизма. По мере нарастания напряженности между прорумынским правительством в Кишиневе и просоветскими Приднестровьем и Гагаузией, представители последних (меньшинство в Верховном совете МССР) стали бойкотировать его заседания и решительно взяли курс на отделение, оставив после своего ухода лишь небольшую коммунистическую парламентскую фракцию (40 из 380 депутатов).

Руководство стремительно распадающейся компартии стремится к компромиссу, который позволил бы ей выжить. В конце 1989 года Горбачев заменил Гроссу на прагматика Лучинского; а Лучинский, сместив назначенцев Гроссу, твердо взял курс в 1990–1991 гг. на демократизацию, который был продолжен последним первым секретарем КПМ Григорием Еремеем (Crowther, 1990). В отличие от КП РСФСР, занявшей двойственную позицию по отношению к августовскому путчу 1991 года, КПМ осудила его (что характерно, приднестровцы путч поддержали), а потом, явно запоздав с этим, объявила о своем разрыве с КПСС. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы предотвратить запрет компартии после путча.

Воссоздание

Так как обе партии были запрещены, критические моменты их первоначальной истории относятся не к 1989–1991 гг., когда шел развал партий, но к периоду, когда они воссоздавались после снятия их запрета. Российское коммунистическое руководство весьма активно оспорило сомнительную легитимность ельцинского указа о запрете компартии в Конституционном суде, проводя одновременно подпольную дея-

тельность с целью восстановления контактов между членами партии по всей России⁶. Это закончилось моральной победой коммунистов, когда 30 ноября 1992 года запрет на местные парторганизации компартии был отменен. В целом, запрет, парадоксальным образом, сыграл роль мощного стимула для воссоздания партийного единства, одним ударом убрав все те факторы, которые парализовали партию в конце 80-х гг. По сути дела, все реформистские элементы покинули партию в 1991–1993 гг., а в сухом остатке оказалась относительно сплоченная и ожесточившаяся группа, которая начала борьбу за воссоздание партии (March, 2002; Urban and Solovei, 1997).

Однако на роль «партии-преемницы» претендовало несколько групп (преимущественно радикальных). Одни из них представляли скорее низовых членов КПСС (Российская коммунистическая рабочая партия), другие — скорее аппаратчиков (Союз коммунистов). Победителем оказалось руководство бывшей КП РСФСР, возглавляемое первым секретарем Валентином Купцовым, который проявил относительный прагматизм и грамотно воспользовался рядом факторов: традиционной коммунистической дисциплиной, своим престижем, выросшим в результате победы в суде, и поддержкой со стороны коммунистов в парламенте России. Самым наглядным примером купцовского прагматизма был компромиссный выбор Геннадия Зюганова на пост партийного лидера на «восстановительно-объединительном» съезде КПрФ в феврале 1993 года. У Зюганова был более радикальный национал-большевистский публичный образ, нежели у «горбачевца» Купцова, но, как и Купцов, Зюганов был умеренным членом партийной номенклатуры. Сам же Купцов оставался до 2004 года первым заместителем Зюганова и «серым кардиналом», контролировавшим организационную сторону деятельности партии. Решение (принятое после ожесточенной борьбы) участвовать в парламентских выборах декабря 1993 года сразу же принесло положительные результаты (см. Табл. 1). При этом конкурирующие с КПрФ коммунистические па-

Дан Пержовски (Dan Perjovschi, Румыния). *Восток встречает Запад (Brother!.. — Брат!..)*. 2006. Работа предоставлена автором.

6. Подробное описание судебных разбирательств см. у Рудинского (1999).

Таблица 1: Результаты, достигнутые некоммунистами на выборах

	ПКРМ		КПРФ	
	Доля голосов	Явка избирателей	Доля голосов	Явка избирателей
1993 парламентские			12,40	54,80
1995 районные и городские советы	16,32	60,02		
1994 парламентские			22,30	64,44
1996 президентские 1-й тур	10,23	68,13	32,03	69,81
1996 президентские 2-й тур			40,31	68,87
1998 парламентские	30,01	69,12		
1999 окружные советы / кишиневский горсовет*	37,82	58,45		
1999 парламентские			24,29	61,70
2000 президентские			29,21	68,74
2001 парламентские	50,07	67,52		
2003 районные и городские советы	48,07	58,66		
2003 парламентские			12,61	55,75
2004 президентские			13,69	64,39
2005 парламентские	45,98	64,84		
2003–2005 (областные собрания)			15,26	нет

* Как «Блок коммунистов, аграриев и социалистов» (ПКМ, АДПМ и Партия социалистов Молдовы).

Источник: Интернет-сайт АДЕРТ (www.parties.e-democracy.md) от 7/11/05; Росцентр-избирком (www.fci.ru) от 6/10/04; интернет-сайт Панорама (www.panorama.ru/gazeta/p56rv.html) от 5/10/07.

рии, которые бойкотировали выборы, упустили свой шанс получить зацепку в парламенте и в дальнейшем в значительной мере утратили свое влияние. Внепарламентские крайне левые силы перестали быть серьезной угрозой для КПРФ на электоральном поле с 1995 года.

По сравнению с российскими коммунистами, будущие члены ПКРМ в период, предшествовавший отмене запрета, заняли значительно более пассивную позицию. В Молдове инициатива запрета компартии исходила не от президента, а от президиума парламента. Это дела-

ло перспективу отмены маловероятной до тех пор, пока панрумынские unionисты не утратили в 1992–1993 гг. парламентское большинство. К тому же в этом не было очевидной нужды, поскольку в наличии уже имелось несколько партий-преемниц. Кровавопролитный конфликт с Приднестровьем в 1991–1992 гг. способствовал упадку Народного Фронта и породил «правобережный консенсус» по вопросам о национальном суверенитете, социальной солидарности и мире: бывшие коммунисты-«реформисты» — председатель парламента Лучинский, премьер-министр Андрей Сангели и президент Снегур — заняли все руководящие должности и создали Аграрно-демократическую партию Молдовы (АДПМ) — левоцентристскую силу, которая оказалась способной консолидировать страну. АДПМ опиралась на колхозные структуры, бывших первых секретарей сельскохозяйственных райкомов КПМ, а также на молдаван, проживавших в сельской местности, тогда как городское русскоязычное население тяготело к более левому и русско-центричному движению *Unitate – Единство* и к основанной в августе 1992 года Социалистической партии.

Однако было латентное стремление к восстановлению компартии. Как и в России, несколько организаций местного уровня продолжали функционировать, и хотя многие коммунисты вступили в новые левые партии, другие считали это предательством великого дела (Ciobanu, 2003). Рядовые члены партии безуспешно обращались к ряду бывших партийных руководителей, пока бывший секретарь Бендерского горкома и бывший министр внутренних дел Молдовы (в 1989–1990 гг.) Владимир Воронин не вернулся из Москвы, где он состоял в милицеском резерве МВД), и ни оспорил запрет компартии (Stoicov, 2003). После того как прокуратура установила, что компартия не была причастна к августовскому путчу 1991 года, президиум парламента в конце 1993 года отменил запрет. Это судьбоносное решение было принято по весьма близоруким расчетам, не оценивающим должным образом потенциал партии; члены президиума старались показать свою демократичность, а руководители АДПМ и Лучинский думали, что коммунисты оттянут к себе крайне левый фланг Аграрно-демократической партии, но в то же время останутся слишком слабыми, чтобы вытеснить ее с занятых позиций⁷.

Однако официальная регистрация ПКРМ состоялась лишь в апреле 1994 года, после того как новая партия отказалась от всяких претензий на собственность КПМ. Воронин был официально утвержден на посту лидера компартии на первом съезде в декабре 1994 года. Партия не успела принять участие в парламентских выборах в феврале 1994 года, но отдельные члены партии приняли участие в коалиции АДПМ, Соцпартии и *Unitate – Единство* и позднее смогли сформировать в новом парламенте коммунистическую фракцию, состоявшую из семи депу-

7. Информация получена от Юлиана Паунеску.

татов. Но уже на районных и президентских выборах 1996 г. ПКРМ постепенно стала завоевывать плацдарм на постсоветском политическом пространстве (см. Табл. 1).

Обе коммунистические партии, появившиеся после отмены запрета, обладали рядом схожих черт. Внутрипартийная борьба позднеперестроечного периода разрешилась в пользу партийных консерваторов, которые консолидировали свой контроль над партийной машиной, тогда как многие реформисты и оппортунисты покинули партийные ряды. И хотя в адрес прошлого делались критические высказывания, ни одна из партий не порвала с ним, наоборот, они объявили себя преемницами лучших коммунистических традиций и сформировали структуры, которые копировали аппарат своей предшественницы: легко узнаваемая коммунистическая пирамидальная организация, которая опиралась на первичные ячейки и возглавлялась Центральным комитетом (Устав КПрФ, 2002 г.; ПКРМ, 2001 г.). О реальном уровне централизации трудно судить, но приверженность обеих партий идее массового членства сочеталась с демократическим централизмом, традиционной жесткой иерархией. В целом КПрФ выглядит внутренне менее централизованной и единой, чем ПКРМ. В этом отношении характерно, что за свою историю (которая будет вкратце описана ниже) КПрФ прошла через большие внутренние конфликты, а частые партсъезды и сопровождавшая их внутрипартийная дискуссия, возможно, говорят о большем партийном плюрализме, несмотря на традиционное умение руководства контролировать повестку дня⁸.

Несколько факторов способствовали возникновению этого различия. Некоторые из них связаны с обстоятельствами возникновения партий, некоторые — с действиями руководства (см. ниже). КПрФ — значительно больше по размерам (Табл. 2), это «столицецентричная» организация, ведущая постоянную борьбу за контроль над своими региональными отделениями, что обусловлено как анархическим российским федерализмом начала 90-х годов, так и наличием множества соперничающих партий-преемниц, члены которых переходили в воссозданную партию (March, 2002). Поэтому в ней царит большее идеологическое разнообразие, нежели в ПКРМ, и можно идентифицировать четыре идеологические течения внутри нее: «патриоты-государственники», умеренные «реформаторы-марксисты», традиционалистские «марксистско-ленинские обновленцы» и «красные патриоты» — сталинисты (March, 2002; Urban and Solovei, 1997).

8. Между 1993 г. и октябрём 2005 г. КПрФ провела 11 партсъездов, а ПКРМ с 1994 до декабря 2005 г. — лишь 5. Между съездами КПрФ регулярно проводила партийные пленумы, тогда как пленумы ПКРМ были менее часты и то, что на них обсуждалось, практически не предавалось огласке.

«Реформаторы-марксисты», такие как нынешний заместитель председателя Иван Мельников и бывший заместитель председателя Валентин Купцов, представляют модернизированный антибюрократический марксизм, который содержит социал-демократический элемент, но в целом остается консервативным и государственным — явных социал-демократов среди представителей этого течения мало. Эта группа доминирует в высших слоях партии, но предпочитает не участвовать в открытых партийных дебатах, опасаясь обвинений в «горбачевизме». Коммунистические «патриоты-государственники», к которым принадлежит и председатель партии Геннадий Зюганов, являются национал-большевистским течением: они пытаются затушевать классовое содержание коммунизма и перелицевать его как идеологию в русле русской имперской традиции «самодержавия, православия и народности». В течение долгого времени они были самым слабым течением с точки зрения численности, а многие члены партии считали их идеологическими еретиками. Однако, по мере утраты партией своих членов и электората, их значение увеличилось. Главные представители «марксистско-ленинских обновленцев» — ортодоксальные теоретики, такие как Виктор Трушков, который защищает обновленный марксизм-ленинизм от националистических и социал-демократических уклонистов, и, в отличие от двух предыдущих течений, совершенно не приемлют рыночную экономику. Основная масса рядовых членов придерживается менее затеоретизированного «красного патриотизма», испытывая при этом эмоциональную привязанность ко всем священным символам советской власти, включая и преклонение перед Сталиным как создателем советской сверхдержавы. Диапазон тенденций в рамках «красного патриотизма» колеблется от интернационализма до антисемитизма и национального шовинизма, которые характерны, например, для бывшего председателя думского комитета по безопасности Виктора Илюхина, и по отношению к которым позицию Зюганова нельзя назвать антагонистической.

Идеологические расхождения были одним из оснований внутренней борьбы в КПрФ. Самым значимым, конечно, было расхождение между умеренными и радикальными полюсами партии, которое отражало социокультурные различия между рядовыми членами и партийной элитой, набранной преимущественно из функционеров среднего звена номенклатуры КПСС (March, 2002). Не большое значение имели и трения чисто институционального характера, а также борьба за ресурсы, открыто развернувшаяся между Центральным комитетом и парламентской фракцией, между региональным руководством (обкомовским лобби) и центром, а также между группировками, примыкающими к разным руководителям в партийном аппарате.

В этих аспектах компартия правобережной Молдавии была полной противоположностью — она значительно меньше, здесь преобла-

дает унитарная система и гораздо меньше центробежные тенденции. После своего отделения де-факто Приднестровье создало собственную политическую систему и стало магнитом для самых реакционных элементов Молдовы, избавив от них, таким образом, ПКРМ, что способствовало консолидации партийных рядов. И действительно, политический профиль ПКРМ уже и прагматичнее, чем у КПРФ. Партия убедительно доказала, что миновала сталинский синдром, и поэтому на ней не висят тяжким бременем активные сторонники реставрации. Похоже, что преобладающими идеологическими течениями в партии являются «марксистско-ленинские обновленцы» и рядовые «реформаторы-марксисты», а не «сталинисты» либо «патриоты-государственники».

В ПКРМ, естественно, есть сторонники жесткой линии, особенно на местном уровне, а в руководстве они представлены такими людьми, как Виктор Степанюк (нынешний секретарь по идеологии). Эти люди не скрывают своей ностальгии по СССР, почитают марксистско-ленинское наследие, поддерживают Россию и критически относятся к рыночной экономике. В отличие от них, более умеренные партийные руководители, такие как Юрий Стойков, больше склоняются к еврокоммунизму. Стойков, который был официальным партийным идеологом в 2001–2005 гг. (хотя на практике он делил эту роль со Степанюком и Ворониным), даже утверждал, что на Западе больше социализма, чем было в СССР (Stoicov, 2003). Марк Ткачук, главный советник президента Воронина, и с 2005 года секретарь ЦК по международным связям и фактически второй человек в партии, является прагматиком, поддерживающим европеизацию партии и ее модернизацию в направлении постмарксистских новых левых теорий (Ткачиук, 2006). Однако, постоянная ротация кадров в ПКРМ препятствует возникновению различных «группировок». Основные внутрипартийные конфликты связаны не с идеологией, а с личным соперничеством и различными экономическими интересами (Сафу, 2006).

Ни та ни другая партия в строгом смысле слова не подпадает под данное Ишиямой определение «партии-преемницы». Хотя каждая из них претендует на наследие КПСС, обе потеряли большую часть ее политического капитала, включая и тесные связи с профсоюзами. По сути дела подлинной «партией-преемницей» и в России, и в Молдавии являлась элита, которая запретила КПСС и экспроприировала ее имущество. Как уже было отмечено, АДПМ была явно основана на базе сельских структур КПМ, тогда как российские «партии власти», как «Единая Россия», при организации своих партийных структур опирались на консолидацию элит, сочетая при этом дисциплину советского толка с мощными ресурсами. Главным ресурсом, который оставался у всякой некоммунистической партии, являлась дисциплинированная когорта рядовых членов, которая, в свою очередь, могла мобилизовать гораздо более обширный слой электората, благодаря проведению кам-

пании «от двери до двери» (см. Табл. 2). Этот ресурс обеспечил стабильность в странах с высокой степенью непредсказуемости поведения электората и большим количеством так называемых диванных партий, что отчасти оправдывает утверждения, что они не являются по сути дела коммунистическими, но используют коммунистическую символику как известный «бренд», вызывавший доверие и способный мобилизовать сегмент электората, но стагнирующий по старым добрым временам (e. g. Nantoi, 2003).

Однако подобного рода массовое членство — не всегда благо, поскольку оно лишает партийную организацию гибкости, особенно если учесть, что члены партии по возрасту и жизненному опыту являются типичными советскими людьми⁹. Поэтому каждая из партий стремилась полагаться не только на своих членов; они активно пытались привлечь в избирательные списки не-коммунистов и наладили выгодные отношения патронажного характера с разными членами политической элиты. На всем бывшем советском пространстве коммунисты пытались превратить «Капитал» в капитал и не проявляли чрезмерного догматизма, когда частная собственность приносила им выгоды. Так, КПРФ очень долго обхаживала «красных бизнесменов» и «национальных капиталистов» (таких как Геннадий Семигин, который был спонсором партии до 2004 года), а ее политические оппоненты использовали связи партии с большим бизнесом, как например, с группой ЮКОС, чтобы скомпрометировать коммунистов на выборах 2003 года. Капитализм молдавских коммунистов оказался еще более откровенным. Молдавская компартия вообще — более прагматична. Возможно, одна из причин этого — то, что, в отличие от России и Украины, период массовой приватизации (в 1993–1995 гг.) пришелся в Молдавии на время, когда партия не была значительной силой и ее оппозиция была неэффективной. Кроме того, Воронин, вроде бы еще до своего избрания на пост руко-

9. Молдавские коммунисты моложе российских: 34 процента были старше 60-ти в 2001 г., тогда как в КПРФ в 2006 г. эта группа составляла 48 процентов (ПКРМ 2001b; Зюганов, 2006).

Таблица 2: Партийное членство (количество членов партии)

Год	КПРФ	ПКРМ
1993	450 000	
1996	600 000	
1997		5 804
1998	550–560 000	7 609
1999	530 000	9 027
2000	547 000	9 728
2001		10 362
2003		20 000
2005	188 000	
2006	184 000	15 000

Источники: Данные по КПРФ: March (2002), интернет-сайт КПРФ (www.kprf.ru), Зюганов (2005; 2006); Данные по ПКРМ: интернет-сайт ПКРМ (www.pcrn.md), интервью, взятые автором.

Михаэл Милунович
(Mihael Milunovic,
Сербия). Св. Параскева.
2005. Фотография
сделана на блошином
рынке в Белграде.
Работа предоставлена
студией Divus (Прага,
Чехия)

водителя ПКРМ, проявлял интерес к предпринимательству. Его сын Олег является членом правления Финкомбанка и одним из ведущих молдавских предпринимателей. Говорят, что молдавская компартия получала неплохие финансовые вливания даже до победы на выборах 2001 года и проявляла особый интерес к винному и табачному бизнесу, в то время как КПРФ, наоборот, неоднократно заявляла о своей бедности.

ФАКТОРЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Возможности доступа к политическому пространству

Схожие траектории развития КПРФ и ПКРМ дают нам важный эмпирический материал, позволяющий лучше понять значение президентского и парламентского типа правления в новых демократических государствах. Многие возлагают вину за приход коммунистов к власти в Молдавии в 2001 г. на парламентскую систему, введенную в 2000 г. (Way, 2002). В целом это верно, но здесь необходимы определенные оговорки и пояснения, особенно если учесть, что 50% проголосовавших за коммунистов в 2001 г. могли бы с таким же успехом избрать президента-коммуниста на прямых выборах. Формально конституция Молдовы от 1994 года была полупрезидентской. Президент избирался путем прямого голосования, был наделен правом издавать декреты и ограниченной возможностью распускать парламент. Он должен был сосуществовать с премьер-министром и правительством, подотчетными парламенту, обладающему относительно большими правами, например, правом выбора части членов конституционного суда (Конституция, 1994 г.). Однако, поскольку ведущие политики были тесно привязаны к партиям, падение популярности политика или партии, в отличие от более президентских систем, способствовало парламентской нестабильности, возникновению тупиковых ситуаций и падению в период с 1991 по 2001 г. восьми правительств. Именно эта нестабильность оказалась фактором, который способствовал победе коммунистов. 5 июля 2000 года парламент прого-

лосовал за поправку к Конституции, предусматривающую избрание президента парламентом, положив, таким образом, конец попыткам Лучинского укрепить власть президента. Парламент не смог выбрать президента, что в конце 2000 года привело к его роспуску Лучинским и назначению досрочных выборов. Победив на них, коммунисты автоматически получили также и президентский пост.

Однако на этот результат также повлияли и другие факторы институционального характера. Например, молдавская избирательная система (основанная на пропорциональном представительстве и едином избирательном округе) не давала партиям достаточно стимулов для установления связей с избирателями путем проведения предвыборных кампаний на местах. Но опора коммунистов на местные организации помогла им наладить контакт с теми, кто был недоволен имевшимися вариантами. Поставив задолго до выборов 2001 г. задачу создать парторганизацию в каждом округе, коммунисты имели своих активистов в 1000 из 1004 деревень страны и утверждали, что их представители встретились в ходе кампании 2001 года практически с каждым избирателем.

Российская система, напротив, усложнила задачу для коммунистов. Несомненно, смешанная избирательная система, использовавшаяся на выборах в Думу до 2003 года (когда в урну опускались два бюллетеня — за партию и за конкретного кандидата от данного избирательного округа) помогла КПРФ заручиться в период 1995–2003 гг. крупнейшей фракцией в Думе (Moser, 2001). Партия смогла использовать как и узнаваемое по всей стране название, так и свои местные организации, которые хорошо справлялись со своими задачами в одномандатных округах, пока применение местным руководством административного ресурса не привело к их значительному ослаблению в 2003 году.

Но главным элементом политической среды, определившим судьбу КПРФ, была не президентская система сама по себе, но специфически российское «суперпрезидентство» (Fish 1998, 2001). Даже до Путина это «суперпрезидентство» создало режим, который «целенаправленно ослаблял возможности оппозиции» (Vasop, 2000). Слабые парламентские прерогативы, непартийное правительство и исполнительная власть, в целом не подотчетная парламенту, означали, что представительство коммунистов в парламенте в лучшем случае могло дать им «влияние», но никакой эффективной законодательной или исполнительной власти они не имели (Huskey, 1999). Это было постоянной проблемой для КПРФ, которая стремилась перевести максималистские требования своих радикалов в какой-то стабильный политический курс. Погружение коммунистов в коррумпированный мир Думы и политической системы в целом серьезно подорвало образ КПРФ как антисистемной силы (см.: Mel'nikov 2004). Кроме того, необходимость для получения президентского поста заручиться поддержкой 50,01% избирателей заставляла партию постоянно стремиться максимально

расширить свой электорат. Например, с 1996 г. Зюганов попытался расширить свой электорат путем создания Национально-патриотического союза России (НПСР). Однако внутрипартийное недовольство компромиссами серьезно подорвало его кампанию 1996 года, и 40 процентов оказались потолком для коммунистов, выше которого рост был уже невозможен. И, наконец, в России громадное значение имели региональные электоральные системы: партии боролись за влияние в региональных законодательных собраниях и за губернаторские посты в ситуации, когда доминирующей электоральной силой на региональном уровне были местные независимые клановые структуры. Напротив, система молдавских муниципальных выборов и выборов мэров была строго партийной. В итоге хорошие результаты на региональных выборах 1995 г. явно помогли восстановлению электорального влияния ПКРМ. В России же только введение партийных списков на выборах в региональные законодательные собрания 2002–2003 гг. вдохнуло жизнь в партии, в том числе и КПРФ, как это показывают ее результаты после 2003 года (см. Табл. 1).

Структура партийного соперничества

Различные результаты обеих партий были отчасти обусловлены характером межпартийного соперничества в России и Молдавии и тем, как партии реагировали на проблемы, вокруг которых это соперничество разворачивалось. До 1999 г. КПРФ выигрывала от слабой и расколотой партийной системы, что особенно проявилось в 1994 г. (когда неспособность полудюжины либеральных партий преодолеть 5% барьер позволила коммунистам перевести свои 22,3% голосов в 35% парламентских мест). Но самая последовательная конкуренция руководству КПРФ с самого начала была со стороны крайне левых и наличие этих радикалов как внутри, так и вне партии ограничивало его возможности двигаться в левоцентристском направлении. Вначале это едва ли играло большую роль: глубокая электоральная поляризация между «реформистским» и «антиреформистским» лагерями до 1996 г. (McFaul and Petrov, 1997) делала левоцентристскую позицию заведомо проигрышной — социал-демократия была слишком социалистической для демократов и слишком демократической для социалистов. Однако поражение коммунистов в 1996 г. и то, что воспринималось как поражение либерализма после кризиса августа 1998 г., уменьшили электоральную поляризацию и укрепили «левопатриотический консенсус», который позволил возникнуть различным патриотическим и левоцентристским альтернативам и привел к ослаблению претензий коммунистов на роль единственной «антиреформистской» оппозиции. Прорежимные силы сумели и очень успешно перенять левопатриотическую риторику. Кульминацией этого процесса стало создание в 2003 г. национал-патриотического блока «Родина», который завоевал 9 процентов голосов и эф-

фективно расколол коммунистический электорат.

Победа ПКРМ столь же ясно показывает влияние характера электорального соперничества. Антикоммунизм проявлялся в Молдове гораздо меньше, чем в России (Crowther, 1997). Это связано с тем, что региональная и этническая мобилизация против правящей партии сыграла большую роль, нежели поляризация по линии: реформисты / антиреформисты, а КПМ сдала свои позиции быстрее, чем КП РСФСР, что лишило антикоммунизм значительной части его потенциала. Более того, поскольку ПКРМ более унифицирована, чем КПРФ, и поскольку ее основной соперник слева, *Unitate—Единство*, практически являлся протестным блоком русскоязычного меньшинства, она, в отличие от КПРФ, не столкнулась с потолком, выше которого не подняться, и оказалась в очень выгодной позиции после того, как ее другая соперница, АДПМ, в 1995–1998 гг. развалилась. Если бы не полный развал этой основной левоцентристской силы и предполагавшейся партии власти, компартия, вероятно, оставалась бы «партией-нишей».

Конечно, общий контекст электорального успеха этих двух компартий является комбинацией острого социально-экономического кризиса и культуры социального обеспечения, проявившейся в ностальгии по социальным гарантиям и безопасности советской системы и в глубоком недовольстве возникшим общественно-политическим порядком. Лежащее на поверхности объяснение большего успеха молдавских коммунистов заключается в том, что Молдова пережила большие экономические трудности, по сравнению с Россией: голосование за ПКРМ в 2001 г. было голосованием людей, оказавшихся на грани выживания, как это сформулировал бывший президент Румынии Илиеску (RFE/RL *Newsline*, 2001a). К 2001 г. Молдова была самым бедным государством Европы и одним из беднейших в СНГ. В 2000 г. ее официальные экономические показатели составляли треть от объемов 1991 г., а 60–70% ее населения жило ниже черты бедности (United Nations Development Fund 2000). Вдобавок отъезд 600–800 тысяч

Рон Слуйк. *Balti* (Бэлць, второй по величине город в Молдове). 2004, фото. Работа предоставлена автором

молдаван на заработки в Россию и в Западную Европу (около 15% всего населения) оставил в стране электорат, который приблизительно на треть состоял из пенсионеров, обычно самого бедного сектора общества, самой дисциплинированной электоральной силы, и самого прокоммунистического сегмента постсоветского общества. Однако, нам следует остерегаться экономического детерминизма: на выборах 1999–2000 гг. КПРФ оказалась совершенно неспособной воспользоваться дефолтом, обрушившимся на Россию в августе 1998 г. и последовавшим экономическим хаосом — на парламентских выборах 1999 г. ее показатели поднялись всего на два процента, и она полностью проиграла президентские выборы 2000 г. Несомненно, экономический подъем, наступивший в России после 1999 г., способствовал резкой эрозии влияния КПРФ в регионах (особенно сельскохозяйственных), что нашло отражение на выборах 2003 г. Тем не менее эта эрозия может быть объяснена и консолидацией местных элит вокруг платформы «Единой России» (Wegren and Konitzer, 2006). Это наводит на мысль о том, что внимание следует перенести с экономических факторов на то, как политики воспользовались (или не воспользовались) открывшимися перед ними возможностями.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Различия в руководстве КПРФ и ПКРМ подтверждают нашу точку зрения, что КПРФ является менее консолидированной организацией. Долгое время руководящей группировкой в ней была самопереизбираемая олигархия, которая объединилась вдоль оси Зюганов (отвечавший за публичную политику) и Купцов (который до своей отставки в 2004 г. отвечал за партийную организацию). Зюгановский стиль был точно охарактеризован как нехаризматичный персонализм (Ansell and Fish, 1999). Он явно не способен «заводить» массы, но, как и у Воронина, его внутривнутрипартийная популярность в значительной степени объясняется способностью примирять, он помог воссоздать партию и навел мосты между ее различными сегментами.

Тем не менее в целом КПРФ управлялась крайне плохо, и это стало одним из главных факторов ее упадка. Со временем партия стала такой же косной, как и французская компартия, которая пережила аналогичный спад. Ее способность к расширению электората была скована полной опорой на традиционалистов, которые, как нео-советское «контробщество», осуждали любое «смягчение» позиции партии. Верхушка руководства лишь усугубляла трудности. Личность Зюганова тяжело давила на партию, в которой руководитель традиционно играл колоссальную роль. Номенклатурное прошлое партийной иерархии способствовало авторитарному стилю руководства, и, чтобы сохранить status quo руководства, партия все больше отталкивала от себя независимых союзников, что привело к «кадровому голоду»

в 2000 г.¹⁰ Электоральный упадок обострил внутривнутрипартийные разборки до такой степени, что руководящая роль Зюганова после его поражения на первых президентских выборах 1996 г. все больше оспаривалась его внутривнутрипартийными критиками. А это привело к тому, что значительная часть партийных усилий была направлена на предотвращение партийного раскола. Например, кропотливая, но в конечном счете так ни к чему и не приведшая работа над созданием в 1999 г. патриотической коалиции «За Победу!» была продиктована внутривнутрипартийными махинациями (March, 2001).

В противоположность Зюганову, который вначале был «первым среди равных», личная роль Воронина в воссоздании ПКРМ привела к тому, что в дальнейшем он стал играть в своей партии более доминантную руководящую роль, чем Зюганов в КПРФ. Партийные сторонники отдали ему должное за мужество и исключительные лидерские качества, продемонстрированные им при воссоздании партии, когда другие бывшие руководители не проявили никакого энтузиазма (Stoicov, 2003). Он имел в значительно меньшей степени имидж «аппаратчика» и в большей мере — «хозяйственника», чем многие коммунистические руководители, и его харизма привлекала сторонников и вне партии¹¹. Отчасти это связано с тем, что в советский период Воронин был больше известен как государственный, чем как партийный руководитель. И хотя в прошлом он был секретарем горкома Бендер, общественную поддержку он получил как глава Министерства внутренних дел Молдовы в 1989–1990 гг., когда однажды в 1989 г. он, вроде бы, отказался дать приказ открыть огонь по толпе, которая пошла на штурм штаб-квартиры МВД. Руководящая роль Воронина в ПКРМ казалась почти абсолютной. Несмотря на рост внутренних разногласий, ПКРМ осталась на редкость унифицированной организацией, и она пережила лишь один серьезный раскол (в 1996 г., по вопросу о том, следует ли Воронину выдвигать свою кандидатуру на президентский пост). Альтернативных лидеров в ней пока не заметно (Moşneaga, 1998). Единство ПКРМ поддерживалось не только традиционной коммунистической дисциплиной и демократическим централизмом (в период крайней политической нестабильности 1998–2001 гг. ни один депутат не вышел из коммунистической фракции в парламенте), но и личной лояльностью Воронину со стороны большинства руководителей и членов фракции (таких как Степанюк и премьер-министр Василий Тарлев). Никто из них не является харизматичным лидером, известным деятелем, способным сравниться с коммунистическим президентом. В закрытом

10. О. Карякин. Заявление на www.vesti.ru. 3 декабря 2000.

11. Различные респонденты описывали его такими словами как «хитрый», «капризный», «эмоциональный», «наглый, как бульдозер», «мыслящий как милиционер», «вождь», «царь», которого подчиненные якобы называют «папа», а также человек, которому лучше не сообщать плохие новости.

формате внутривнутрипартийная критика, конечно, существует, но партруководство и правительство остаются полностью лояльными своему лидеру и президенту.

Руководство явно повлияло на общую стратегию каждой из партий. И та и другая разработали новый подход к электорату, который предполагал адаптацию к посткоммунистическим условиям. Несомненно, обе партии обладали сильной ностальгической популистской притягательностью в контексте коммунистического «полезного прошлого». В партийных программах отвергался господствующий социально-экономический строй и (среди прочего) содержались обычные претензии на коммунизм как конечную цель, на интернационализм и классовую основу партийной поддержки, которые соседствовали с заявлениями о приверженности сильной системе социального обеспечения и смешанной экономике с ведущей ролью госсектора (КПРФ, 2002а; ПКРМ, 2001). Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что «полезное прошлое» у каждой из партий все же разное, и явно просматривается попытка создать то, что Мар и Нагль (1995) назвали «национально-аутентичным» социализмом — популярную левую идеологию, которая не просто призывает к возврату к прошлому, но воссоздает базовые коммунистические ценности в современных национальных условиях.

Суть «публичной идеологии» КПРФ заключалась в зюгановской национал-большевистской «государственно-патриотической стратегии», представленной в предвыборных манифестах КПРФ и НПСР, которая, однако, играла гораздо меньшую роль во внутривнутрипартийном дискурсе (March, 2002). Эта стратегия подчеркивает «патриотические» достижения советского государства, принижает роль классовой борьбы и делает упор на межклассовое единство с целью защиты российской «цивилизации» от западного либерализма. Эта явная «национализация социализма» (Vujacic, 1996), которая оправдывает многие из целей коммунизма, но с точки зрения национал-патриотической перспективы, максимизирует таким образом, поддержку со стороны этнических русских и тех, кто испытывает ностальгию по стабильности советских времен.

Естественно, ПКРМ не могла использовать этот сплав российского имперского национализма с коммунизмом. Вместо этого в партийной программе подчеркивались социоэкономические достижения советской Молдавии, которая преодолела отсталость и послевоенную разруху. Однако в неявной форме в партийных декларациях просматривается квазинационалистическая «молдавенистская» позиция. В программе берется на вооружение «правобережный консенсус» и выражается уважение прав всех национальностей Молдовы, а также поддержка «суверенного, независимого, объединенного и нерушимого государства». Однако программные выпады против «унионизма» и «этнофобии», как и отказ коммунистического руководства от панрумунского культурно-

го и языкового наследия, говорят о продолжающейся опоре на «искусственный национализм», порожденный советской историографией (см., например, Степанюк, 2003). На официальном уровне это находило отражение в партийных попытках (под надзором Степанюка) ввести идеи молдавенизма в школьную программу по истории, продвигать «молдавский» язык и в весьма капризном стиле в отношениях с Румынией.

Кроме того, обе партии также подчеркивали свою посткоммунистическую природу, выражая приверженность правам и свободам. Например, в соответствии с более «марксистско-реформистской» ориентацией ПКРМ, в ее программе, хотя и не выражается никакой явной приверженности либеральной демократии, отвергаются «догматизм», «тоталитаризм», «идеологическая монополия» и «культ личности» и высказывается приверженность «реформированному социализму», политическим правам и свободе предпринимательства, за исключением «стратегических отраслей промышленности». Иными словами, уступки современной реальности у ПКРМ идут гораздо дальше, чем у КПРФ.

Стратегии ПКРМ и КПРФ привели к очень разным результатам: КПРФ в конечном счете провалилась, и сейчас она, очевидно, находится в предсмертном кризисе, а ПКРМ, напротив, добилась на настоящий момент громадного успеха (хотя это не означает, конечно, что успех ей гарантирован и в долгосрочной перспективе).

Зюгановская «государственно-патриотическая» стратегия была успешной на какой-то период, до 1996 г., поскольку объединяла оппозицию на платформе противодействия реформам, но она утратила свой смысл, когда утратило свое значение полярное противопоставление реформы и антиреформы. Когда такие противники коммунистов, как Путин, сами встали на «патриотические» позиции, КПРФ не сумела найти альтернативу стратегии президента, сочетавшего политический курс на централизацию с курсом на либеральную экономику. В конечном счете проявление (эпизодичное) руководством тактических способностей не могло компенсировать отсутствие у него систематизированного стратегического видения,

Мирча Николае (Mircea Nicolae, Румыния). Из серии «Мусор». 2007, фото. Уменьшенная модель детской площадки напротив панельного дома. Пластмассовые игрушки и кубики найдены в мусорных контейнерах и среди прочего мусора вокруг. Небольшие ветки — части близлежащих кустов. Фотографии двух детей, живущих здесь, которые помогли с инсталляцией. Работа представлена автором

Мирча Николае (Mircea Nicolae, Румыния).
Из серии «Мусор».
2007, фото. Работа
предоставлена автором

и не в последнюю очередь потому, что партии так и не удалось существенно обновить ни свой политический курс, ни свои кадры — типичная проблема для большинства ортодоксальных компартий. После поражения на президентских выборах 1996 г., внешние обстоятельства уже никогда больше не были столь благоприятными. На выборах 2000 г. Зюганов оказался в роли «бывшего», а неспособность партии сколько-нибудь

последовательно обеспечить политические льготы для «красных» регионов привела к тому, что многие коммунистические губернаторы стали перебежчиками, и в красном поясе возникли дыры. И такая ситуация сложилась именно тогда, когда партия вроде бы должна была усиливаться благодаря дефолту августа 1998 г. В подтверждение тезиса Панебьянко, зависимость КПРФ от Зюганова, как внутрипартийного примирителя, нанесла большой ущерб ее позициям в обществе.

Еще больший вред приносили КПРФ утверждения, что она является лишь «косметической» оппозицией, получающей выгоду от близости к власти (в том числе финансовые льготы), но не желающей брать власть в свои руки и нести ответственность за принятие решений. И действительно, во времена Ельцина партия фактически стала «младшим партнером» в «балансе интересов» элиты, признанным в качестве официальной оппозиции, чей глубинный политический консерватизм должен был умиротворять социальные протесты.

Некоммунистические левые видели в КПРФ «монопольное акционерное [с участием государства] общество», которое занимается поставкой населению «оппозиционных услуг» будучи при этом больше заинтересованным в сохранении позиций номенклатуры, нежели в защите интересов рабочего класса¹². Можно написать докторскую диссертацию о золотых возможностях оспорить власть у правящей группы, которые были вольно или невольно упущены КПРФ (см.: Wilson 2005). Прежде всего, несмотря на риторику о необходимости создания более широкого альян-

са, авангардизм партии (требование гегемонии в любом избирательном союзе) наносил ей ущерб и способствовал развалу НПСР, отталкивая большинство талантливых лидеров. Особенно пагубным это было в 2003 г., когда нежелание уступить лидерство в национал-патриотическом союзе левому деятелю Сергею Глазьеву, чья звезда восходила в тот момент, вытолкнуло его в объятия соперничающего блока «Родина», а КПРФ вновь отвергла призывы со стороны левых к созданию более широкого союза.

Предвыборная кампания КПРФ 2003 г стала образцом того, как это не надо делать. Партия взяла влево, но одновременно она принялась демонстрировать свою умеренность (КПРФ, 2003 г.). В контексте левого крена попытка партии продемонстрировать свою способность шагнуть в ногу со временем (например, проведение онлайн-кампании) выглядела неестественной, а плохо прикрытый маневр по включению в партийные списки миллионеров — просто откровенным оппортунизмом. Когда в октябре 2003 г. арест руководителя ЮКОС Михаила Ходорковского породил волну антиолигархических настроений, КПРФ оказалась одной из самых рьяных защитников олигархов, при этом имея максимально антиолигархическую платформу! Эффектом такого парадокса было резкое падение ранее стабильного рейтинга коммунистов. Члены партии не могли понять, куда делись 30 миллионов долларов, якобы полученные партией: партийные кампании на местах проводились из рук плохо и к тому же были недостаточно профинансированы (*Родная газета*, 2004 г). Руководитель избирательной кампании КПРФ Иван Мельников признал, что партия слишком самонадеянно полагалась на стабильность своего электората и оказалась совершенно не готовой к агрессивной антикоммунистической кампании, развернувшейся в СМИ¹³.

Когда мы рассматриваем роль политических действий, следует отметить и тот факт, что своим падением КПРФ во многом обязана действиям своих оппонентов. При Ельцине антикоммунистическая риторика редко сопровождалась последовательными действиями. Однако Путину удалось продемонстрировать сочетание «аморфного и всеядного» идеологического эклектизма с манипуляцией политической системой в мельчайших деталях и нетерпимым отношением к оппозиции (Digilenskii, 2001). Поставив перед собой цель создать управляемую партийную систему, он потребовал от коммунистов либо стать послушной «современной левой партией», либо исчезнуть, и направил против них всю мощь своей суперпрезидентской власти (March, 2004).

Одним из основных вкладов Путина в российскую партийную систему было ослабление «программных» партий, сопровождавшееся увеличением числа созданных режимом «проектных» партий (Sakwa,

12. Анатолий Баранов. Новая газета. 3 июня 2002.
www.novayagazeta.ru.

13. Комментарий в приложении Коммерсант Власть. 15–21 декабря 2003. с. 26.

2005). Политический курс президента по отношению к коммунистам предусматривал административное манипулирование, «чтобы держать их в рамках». Коммунисты по этой стратегии должны монополизировать оппозицию, но при этом не покушаться на власть. Вместе с тем время от времени предпринимались попытки навязать им более умеренную программу (Wilson, 2005). Политика, основанная на принципе «разделяй и властвуй», наиболее наглядно проявилась в покровительстве партиям-«вредителям» или так называемым мухам, задача которых — раздражать оппозицию и откусывать у нее по краям электорат. Последний раз это выразилось в действиях «Родины» под руководством Глазьева и Дмитрия Рогозина в сентябре 2003 г. Однако более серьезным оказался внутренний кризис, порожденный Геннадием Семигиным, предпринимателем левого толка, чей подъем до уровня заместителя председателя Думы и исполнительного секретаря НПСР должно было укрепить лоббистские позиции КПРФ внутри Кремля. Вместо этого Семигин начал, наоборот, укреплять лоббистские позиции Кремля внутри КПРФ, финансируя региональных лидеров НПСР (которые зачастую были и региональными партийными бонзами), и спонсируя региональную прессу — бросая ей подачки в виде факсов и компьютеров.

Семигин спровоцировал первый крупный раскол партийной структуры КПРФ, когда сторонники Зюганова и сторонники Семигина начали оспаривать друг у друга право назначить коммунистического кандидата в президенты в 2003 г. и провели в июле 2004 г. два отдельных съезда партии. И хотя Семигин и был объявлен коммунистическим руководством «засланным казачком» Кремля, якобы заплатившим 2 млн. долларов за место вице-спикера Думы, а также наушником замглавы президентской администрации Владислава Суркова, и обвинен в том, что он «покупал» лояльность подразделений КПРФ, налицо оставался весьма неприятный для партийной иерархии факт — Семигин был протеже именно Зюганова (Rostovskii, 2003). Каковы бы ни были подробности этого конфликта, он развернулся вокруг власти, привилегий и денег, а о крупных идеологических расхождениях между его участниками не было и речи. Для КПРФ эта история имела катастрофические последствия. Правда, инакомыслящим из ВКПБ (Всероссийская коммунистическая партия будущего) не удалось зарегистрировать свою партию, и вскоре она канула в лету. Более того, руководству КПРФ удалось закрепить контроль над партией путем чистки инакомыслящих и ввода в центральное руководство ряда молодых политиков из среднего эшелона, как секретарь московского обкома Владимир Улас (44 года), который заменил Александра Куваева, старого зюгановского критика, а также секретарь ЦК по агитпропу Дмитрий Новиков (40 лет). Однако членство в партии упало на две трети (официально до 184 тысяч, но, возможно, даже до 85 тысяч), а саму партию раздирали внутренние склоки (особенно в связи с отказом ряда вычищенных партсекре-

тарей сдать имущество и недвижимость партии). Все это способствовало опустошению партийной кассы и падению партийной дисциплины (Красноселов и Михайлова, 2005; Зюганов, 2006).

К моменту написания этой статьи (середина 2007 г.) возможность возрождения КПРФ за счет своих собственных усилий представляется практически нереальной. Партийные показатели на выборах 2003 г. (12,7% голосов и 52 места в парламенте) были лишь ненамного лучше тех, что она получила сразу после воссоздания в 1993 г. (12,4% и 48 мест). Вместо создания стабильной базы посредством союзов с представителями всех классов, коммунисты свели свои шансы к минимуму, опираясь лишь на самых стойких сторонников — на старое поколение. Коммунисты лишили себя возможности обновления новой кровью, и это сейчас, как никогда, стало серьезной проблемой — в 2006 году лишь 7% членов партии были моложе 30 лет. (Зюганов, 2006). Тем не менее предложение Зюганова радикализировать внепарламентскую риторику КПРФ и заняться «русским вопросом» не дало ничего нового. И хотя КПРФ (как и ПКРМ) в течение долгого времени удавалось сочетать поддержку со стороны идейных коммунистов с привлечением голосов наиболее обездоленной социальной страты, в 2003 г. КПРФ умудрилась потерять голоса протестных избирателей, которые предпочли псевдооппозиционные «Родину» и ЛДПР. Несмотря на то, что партии удалось стабилизировать свою базу на региональных законодательных выборах в 2004–2007 гг., заручившись в среднем почти 16 процентами голосов и сохранив за собой статус второй партии страны и главной оппозиционной силы, это не шло ни в какое сравнение со славой былых времен, утраченной в результате полного истощения ряда местных организаций, и бегства из партийных рядов оставшихся прокоммунистических губернаторов, таких как Машковец в Камчатке и Михайлов в Курской области. С 2006 г. партия вновь столкнулась с конкуренцией слева, когда Сергей Миронов и его «Справедливая Россия» присвоили себе социалистические лозунги и обратились к протестному электорату, получив таким образом шанс узурпировать роль КПРФ как второй партии страны. Тем не менее значение КПРФ как оппозиционного «бумажного тигра» не уменьшилась, и поддержка Кремля может сохранить перспективы КПРФ на ближайшее будущее. По слухам, Зюганов смог восстановить финансирование и поддержку со стороны Кремля¹⁴. Характерно, что 16 процентов и второе место на выборах в московскую думу в декабре 2005 г. были получены компартией скорее благодаря снятию с выборов «Родины», чем ее собственным усилиям — без этого она могла бы и не преодолеть десятипроцентный барьер.

Хотя Владимир Воронин, наоборот, имел постоянно высокие рейтинги, что сводила к минимуму опасность зависимости ПКРМ от него,

14. Информация от Валерия Соловья.

он и руководил партией гораздо более умело, чем лидеры КПРФ. Руководство Воронина максимально расширило возможности, открывшиеся перед партией в период 1998–2001 гг., наделив парламентскую фракцию ПКРМ властью, известностью и статусом силы, с которой следует считаться. Фракция ПКРМ сочетала избирательную поддержку правительств с двумя эпизодами вотума недоверия, демонстрировавшими уровень ее влияния. В 1999 г. Воронин был даже (безуспешно) выдвинут президентом Лучинским на пост премьер-министра, что свидетельствует о том, как быстро он стал серьезным претендентом на власть. Коммунисты грамотно провели предвыборную кампанию 2001 г., сосредоточившись на простых и ясных обещаниях избирателям, тогда как другие партии грызлись по поводу более эзотерических вопросов, вроде вступления в ЕС. Они смогли найти популистский подход к избирателям, который точно соответствовал чаяниям протестного электората. Их лозунги были прямолинейны: „Порядок в стране, благополучие в семье“, а их обещания — простыми (укрепим суверенитет и государственность Молдовы, покончим с коррупцией, будем проводить новый экономический курс), и неосветскими (контроль над ценами, увеличение социальных гарантий, большая роль государства в экономике) (Voronin, 2001). В отличие от КПРФ, в 2001 ПКРМ удалось стать партией всех классов, обеспечив себе поддержку со стороны бывших избирателей социалистов, *Unitate – Единство* и аграрной партии, а также недовольных работников промышленного сектора и сектора услуг, которые раньше голосовали за центр и умеренных правых (Neukirch, 2001).

В рамках этой статьи не представляется возможным подробно описать деятельность партии с момента прихода к власти¹⁵. Ее можно охарактеризовать как весьма противоречивую. Неоднократно имели место развороты на 180 градусов, алогичные шаги и невыполненные политические обещания. Был период ресоветизации, который продолжался почти до конца 2002 года, за ним наступил период неопределенности в 2003 г., а за ним последовало очевидное, но все же непоследовательное движение в сторону Европы. Но надо сказать, что переизбрание в 2005 г. не было случайностью. И хотя послужной список ПКРМ с момента прихода к власти неоднократно подвергался критике (за усиливающую централизацию, отсутствие подвижек в Приднестровском вопросе и плохие отношения как Румынией, так и с Россией), Воронин остается самым популярным, причем с большим отрывом от своих соперников, политиком, который пользуется в Молдавии наибольшим доверием. Несмотря на некоторое падение своего рейтинга среди избирателей, ПКРМ остается реально популярной, благодаря, главным образом, по-

15. Ежегодный отчет организации Freedom House, именуемый *Nations in Transit* регулярно оценивает внутреннюю ситуацию в Молдове. Отчет по странам *Economist Intelligence Unit* относительно оптимистичен. См. также March (2005). 13024 English words.

литической стабильности, продолжающемуся экономическому росту (в I квартале 2005 г. ВВП вырос на 8,2 процента) и относительному успеху партии в выплате задержанных зарплат и повышению зарплат служащим госсектора. Например, в феврале 2005 г. 53,4 процента респондентов заявили, что страна управляется лучше, чем до

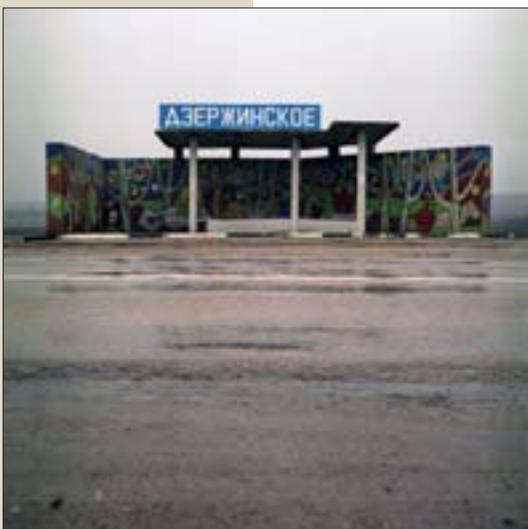
2001 г. (когда были избраны коммунисты). (Выборочное обследование среди 1598 человек старше 18; IPP Barometer of Public Opinion, *Institute of Public Policy*, February, 2005).

Более того, Воронин обеспечил свое переизбрание, совершив сенсационный разворот на 180 градусов, что можно было сделать лишь при полном контроле над организацией ПКРМ. В 2005 г. партия проводила предвыборную кампанию на платформе, у которой было мало общего с предвыборной платформой 2001 г. (PRCM, 2005). Не было никакого упоминания о вызывавших наибольшее противодействие позициях партии, например, о придании русскому языку статуса государственного (собственно говоря, Воронин отказался от этого пункта программы за месяцы до выборов). В четырех разделах, именуемых «Новое качество жизни», «Экономическая модернизация», «Европейская интеграция» и «Социальная консолидация», ПКРМ пообещал превратить Молдавию в «богатую страну благополучных людей». Разворот во внешней политике был очевиден: Россия оставалась стратегическим партнером, но предложения от 2001 г. о присоединении к союзу России и Белоруссии уже не было. Также новым был упор на демократию, обещание соблюдать и уважать национальную культуру и верования, «свободу индивидуума и свободу выбора» в процессе «общего демократического развития». В некоторых аспектах это едва напоминало платформу левой партии, не говоря уже о компартии.

В конечном счете выступив с проевропейской, анти-российской платформы, Воронин даже с некоторой нагло-

Мирча Николае (Mircea Nicolae, Румыния). Из серии «Мусор». 2007, фото. Стекланные осколки окон разрушенного индустриального здания были размещены по кругу, в месте, где они были найдены. Работа представлена автором

Рон Слуйк (Ron Sluik, Голландия — Молдова). Дзержинское. 2006, фото. Работа предоставлена автором

стью похитил лозунги «оранжевой революции» 2004 г. на Украине. 22 февраля 2005 г. он принял План действий ЕС-Молдова. Встречи на высоком уровне с «цветными» президентами Румынии, Украины и Грузии в преддверии выборов укрепило среди как оппозиции, так и иностранных наблюдателей мнение о том, что Воронин намерен перевести проевропейскую риторику в практическую плоскость. Впечатление, что в Молдове происходит своего рода «оранжевая революция», укрепились в результате состоявшихся после выборов перегово-

ров между Ворониным и Юрием Рошкой из оппозиционной прорумынской Христианско-демократической народной партии, а также представителями Демократической и Социал-либеральной партий. Эти переговоры привели к заключению неформального соглашения о сотрудничестве, состоящего из 10 пунктов, в которых Воронин обязался начать процесс реформ по децентрализации с тем, чтобы выполнить План действий ЕС — таких как приватизация крупных правительственных газет *Moldova Suverana* и *Независимая Молдова*, сокращение правительственного контроля над СМИ и децентрализация местных властей (Socor, 2005b). Этого соглашения оказалось достаточно, чтобы обеспечить переизбрание парламентом Воронина на президентском посту и избежать потенциального повтора выборов. Хотя Демократическая и Социал-либеральная партии позднее отозвали свои подписи под этим соглашением (на том основании, что оно плохо выполнялось), а трения между коммунистами и христианскими демократами усилились, сотрудничество между ними по многим вопросам продолжалось.

Переход Воронина на проевропейские позиции было, несомненно, отчасти оппортунизмом, в основе которого лежали желание досадить Москве за ее нежелание решить приднестровский вопрос (особенное раздражение вызвал меморандум Козака 2003 г., который рассматривался молдавской элитой как попытка превратить Молдову в российский протекторат), а также боязнь революции оранжевого толка, направленной против его правления. Тем не менее

многие обозреватели считают, что у Воронина действительно случилось «прозрение» и он на самом деле стал теперь убежденным европейцем (Socor, 2005a).

Этой проевропейской стратегии оказалось достаточно, чтобы обеспечить переизбрание в 2005 г., но она может оказаться не достаточной для обеспечения будущего партии. И действительно, будущее партии после Воронина остается неясным. Согласно конституции, в 2009 г. он должен оставить пост президента, хотя он уже заявил, что не уйдет с поста лидера компартии, сохранив, таким образом, влияние на избрание следующего главы государства. Идеологический профиль партии по-прежнему остается значительно менее прозрачным, чем можно было бы ожидать исходя из произведенного ей поворота на 180 градусов, поэтому больше смысла говорить о партийной переориентации, нежели о полной трансформации. Оказавшись у власти, как я уже писал в других публикациях, партия приняла программу «социализма с неясными характеристиками» (March, 2004). Она популистски флиртует с социал-демократическими и коммунистическими лозунгами, с идеями европейской интеграции, русского православия, неосоветского молдавского национализма известного как «молдавенизм» как этого требовали обстоятельства и когда был повод, не выбирая окончательной траектории, пока ее проевропейская ориентация не прояснилась в 2003–2005 гг. И хотя обещания все серьезно пересмотреть слышны с 2002 г., «объективная» партийная программа остается без изменений с 2001 г. Воронин утверждал, что «стратегическим долгом» ПКРМ является «усвоение всего идеологического наследия и политического опыта коммунизма, социализма и европейской социал-демократии» с тем, чтобы стать «подлинной европейской левой партией», у которой идеи социализма были бы неотделимы от идей демократии и прав человека, и даже говорил о присоединении к социалистическому интернациона-

ЛИТЕРАТУРА

- Babich, Dmitry (2005) Moldova's West-looking communist. March 29, 2005, available online at www.russia-profile.org.
- Bacon, Edwin T. (2000) Is there any opposition in Russia? Analysis of the influences on and prospects for political opposition in Russia (Paper presented to CREES Annual Conference, Cumberland Lodge, Windsor, 16–18 June 2000).
- Barbarosie, Arcadie (2003) Author's Interview with Arcadie Barbarosie, Executive Director of Institutul de Politici Publice (IPP), Chişinău, 8 October 2003.
- Bozóki, András and Ishiyama, John T. (2002a) *The Communist Successor Parties of Central and Eastern Europe*. Armonk, NY: M. E. Sharpe.
- Brandenberger, David (2002) *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
- Caşu, Igor (2006) PCRМ: Leaders, Groups and Interests, available from eu-moldova@yahoo.com.
- Ciobanu, Victor (2003) Author's Interview with Victor Ciobanu, Parliamentary Deputy, PCRМ Fraction, Chişinău, 3 September 2003.
- Constitution (1994) The Constitution of the Republic of Moldova, from the Website of the Parliament of Moldova, <http://xiv.parlament.md/en/legalfoundation/constitution/> (Accessed 24 February 2004).
- Corwin, Julie (2005) Is Russian Media Hoping for Revolution in Moldova? *RFE/RL Media Matters*, 5, 6, March 8, 2005.

- Cox, G. (1987) Electoral Equilibrium under Alternative Voting Institutions, *American Journal of Political Science*, 31, 92–108.
- Crowther, William (1990) The Politics of Ethno-National Mobilization: Nationalism and Reform in Soviet Moldavia, *Russian Review* 50: 183–202.
- Crowther, William (1997) The Politics of Democratization in Postcommunist Moldova, in Dawisha, Karen and Parrott, Bruce, (eds.) *Democratic Changes and Authoritarian Reactions in Russia, Ukraine, Belarus and Moldova*, pp. 282–329. Cambridge: Cambridge University Press.
- Curry, Jane Leftwich and Urban, Joan Barth (2003) *The Left Transformed in Post-Communist Societies*. Lanham, [Md.] Rowman & Littlefield Pub.
- Deutscher, Isaac (1966) *Stalin: A Political Biography*. Harmondsworth: Penguin.
- Дилигенский, Г. (2001) *Путин и российская демократия (размышления по результатам опросов 2002 г.)*. From website of Public Opinion Foundation (www.fom.ru), 18 January 2001.
- Dima, Nicholas (1991) *From Moldavia to Moldova: The Soviet-Romanian Territorial Dispute*. Boulder, Co.: East European Monographs.
- Dyer, Donald Leroy (1996) *Studies in Moldovan: The History, Culture, Language and Contemporary Politics of the People of Moldova*. Boulder, Co.: East European Monographs.
- *Economist Intelligence Unit* (2000). *Economist Intelligence Unit Country Report: Moldova*, August 2000. London: EIU.

лу (ПКРМ, 2004 г.). В 2005 г. он заявил, что ПКРМ сменит свое название в течение ближайших двух лет, поскольку она по сути дела стала социал-демократической организацией (*Молдавские ведомости*, 2005 г.) Однако съезд в декабре 2004 г. (который состоялся в полной секретности, что совершенно несовместимо с предполагаемым образом демократической партии) отверг смену названия и ограничился кадровыми перестановками, ослабившими влияние наиболее ортодоксальных членов партии, как Виктор Степанюк (бывший заместитель партийного руководителя, который, однако, стал секретарем по идеологии). Впоследствии партия провела (не совсем ясную) организационную перестройку, которая, однако, не изменила принципа демократического централизма. Большинство делегатов съезда 2004 г. явно выступали против изменения названия и символики партии, что свидетельствовало о том, что новая ориентация партии еще не глубоко укоренилась. Стратегическое направление ПКРМ кристаллизовалось в январе 2007 г., когда партия присоединилась к Европейской левой партии (эта группа объединила европейских коммунистов и социалистов, считающих себя более левыми, чем социал-демократы). Этот шаг поставил точку на дрейфе партии в сторону социал-демократии. Тем не менее природа этой левизны крайне противоречива. Как, например, могла партия сочетать свое европейское направление с членством в организации, состоящей преимущественно из партий, скептически относящихся к идее единой Европы? Как могла партия поддерживать возрастающую демократизацию Молдовы, сохраняя при этом членство в Союзе коммунистических партий Коммунистической партии Советского Союза (СКП–КПСС), возглавляемом Зюгановым, и продолжать отмечать советские революционные праздники? Для самой партии никаких противоречий здесь не было: «коммунистический» ярлык призван подчеркивать ее «отличие» от всех других партий, основанное

на способности «выразить перспективные интересы общества в целом», «на научном, динамично развивающемся взгляде на мир», и на «вечных человеческих ценностях» (Воронин, 2006). Фактически это позиция партии, стремящейся привлечь всех, кого можно, и социал-демократической во всем, кроме названия.

Конечно, политические силы, противостоявшие ПКРМ, были гораздо слабее и раздробленнее, чем силы, противостоявшие КПРФ. Более того, именно эта слабость и обеспечила победу ПКРМ на выборах 2001 г. Развал АПДМ, создавший пространство для роста ПКРМ, был вызван соперничеством в борьбе за президентское кресло и распрями из-за добычи, доставшейся в ходе приватизационного процесса. Решение о переходе к парламентской республике, принятое 5 июля 2000 г., было не столько принципиальным, принятым, исходя из длительной перспективы, решением, сколько эпизодом в борьбе с Лучинским. Объявление досрочных выборов в 2001 г. было вызвано бойкотом правоцентристских сил третьего парламентского голосования по выборам президента 21 декабря 2000 г., поскольку они не желали санкционировать вероятное избрание Воронина. По иронии судьбы, если бы Воронин победил тогда, то оказался бы в зависимости от парламента, имея лишь 40 коммунистических депутатов (из 101), а будущая победа коммунистов на выборах не была гарантирована. Вместо этого выборы 2001 г. принесли ПКРМ 71 депутатское место, чего хватало для избрания правительства, президента и даже для того, чтобы при необходимости изменить конституцию.

Аналогичным образом, переизбранию Воронина в 2005 г. также во многом поспособствовала оппозиция, расколотая между про-румынскими христианскими демократами и промосковским блоком «Демократическая Молдова» (который, в свою очередь, сам был расколот на правое и левое крыло). И те и другие присвоили себе символику

- Fish, M. Steven (1999), *The Executive Deception: Superpresidentialism and the Degradation of Russian Politics*, in Valerie Sperling (ed.), *Building the Russian State: Institutional Crisis and the Quest for Democratic Governance*. Boulder, Co.: Westview.
- Fish, M. Steven (2001) Conclusion: Democracy and Russian Politics, in Barany, Zoltan and Moser, Robert G., (eds.) *Russian Politics: Challenges of Democratization*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 215–251.
- Grofman, Bernard and Lijphart, Arend (1986) *Electoral Laws and Their Political Consequences*. New York: Agathon Press.
- Grzymała-Busse, Anna (1999) Czech and Slovak Communist Successor Party Transformations after 1989: Organizational Resources, Elite Capacities and Public Commitments, in Ishiyama, John T., (ed.) *Communist Successor Parties in Post-Communist Politics*, pp. 43–70. New York: Nova Science.
- Grzymała-Busse, Anna (2002) *Redeeming the Communist Past: The Regeneration of Communist Parties in East Central Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hill, Ronald J. (2001) Moldova Votes Backwards: The 2001 Parliamentary Election, *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 17: 130–39.
- Huskey, Eugene (1999) *Presidential Power in Russia*. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe.
- INFOTAG, (2005) Elections over. Long live elections (Part two)? *Infotag Daily Digest* 999, March 23, 2005, available from listinf@yahoogroups.com.

- INFOTAG (2006) Rosca claims Valeriu Pasat worked to eliminate Voronin as president, *Infotag Daily Digest* 1234, February 7, 2006, available from listenft@yahoo.com.
- Ishiyama, John T. (1995) Communist Parties in Transition: Structures, Leaders, and Processes of Democratization in Eastern Europe, *Comparative Politics* 27: 147–66.
- Ishiyama, John T. (1996) Red Phoenix? The Communist Party in Post-Soviet Politics, *Party Politics* 2: 147–75.
- Ishiyama, John T. (1997) The Sickle or the Rose? Previous Regime Types and the Evolution of the Ex-Communist Parties in Post-Communist Politics, *Comparative Political Studies* 30: 299–330.
- Ishiyama, John T. (1998) Strange Bedfellows: Explaining Political Cooperation between Communist Successor Parties and Nationalists in Eastern Europe, *Nations and Nationalism* 4: 61–85.
- Ishiyama, John T. (1999a) *Communist Successor Parties in Post-Communist Politics*. Huntington, N. Y.: Nova Science Publishers.
- Ishiyama, John T. (1999b) Sickles into Roses: The Successor Parties and Democratic Consolidation in Post-Communist Politics, *Democratization* 6: 52–73.
- Jowitt, Ken (1983) Soviet Neotraditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime, *Soviet Studies* 35: 275–97.
- King, Charles (1995) *Post-Soviet Moldova: A Borderland in Transition*. London: Russian and CIS Programme, Royal Institute of International Affairs.

«оранжевой революции», но во время предвыборной кампании столь же интенсивно боролись друг с другом, сколь и с коммунистами, и так и не смогли успешно мобилизовать против них свои силы. К этому следует добавить грубое вмешательство России в избирательную кампанию. Например, утверждалось, что политтехнологи из Фонда эффективной политики Глеба Павловского были вовлечены в финансирование оппозиции и попытки подстрекательства к протесту. (Макаркин, 2005; Бабич, 2005). Юрий Рошка утверждал, что пророссийские силы якобы предложили ему огромные суммы, чтобы вывести его сторонников на улицы, а также, что кажется менее правдоподобным, что бывший министр обороны Валерий Пасат с одобрения Москвы планировал покушение на его жизнь (что было бы свалено на Воронина) (INFOTAG, 2006). Российская Дума дважды призвала российское правительство наказать Молдову экономическими санкциями. Российские СМИ вели активную кампанию против Воронина (Corwin, 2005). Возможно, в какой-то мере эта тактика привела к уменьшению числа голосов, отданных за ПКРМ (особенно среди русскоязычных) но в целом она оказалась контрпродуктивной. Воронин выглядел теперь как молдавский патриот, который осмелился противостоять России. Это принесло ему дополнительные голоса, которые компенсировали те, что были утрачены благодаря российскому давлению (INFOTAG, 2005). Боязнь навязанной извне дестабилизации сыграла большую роль в том, что удалось убедить оппозицию переизбрать Воронина и избежать таким образом парламентского бойкота и новых выборов. В конечном счете Воронин остался достаточно популярным, чтобы получить необходимое для победы количество голосов, несмотря на российское вмешательство.

Тем не менее, начиная с 2005 г., руководство Воронина столкнулось с гораздо большими внешними трудностями, которые все силь-

нее угрожали его руководящей роли. Российский запрет, наложенный на ввоз молдавского мяса, овощей и вина, введенный после выборов 2005 г., который всеми рассматривался как политическое возмездие за победу Воронина в 2005 г., оказался основной причиной спада промышленного производства в Молдове в 2006–2007 гг. и увеличения давления на воронинское руководство. В опросах общественного мнения отмечался стойкий спад рейтинга доверия Воронину, а региональные выборы 2007 г. продемонстрировали ослабление позиций ПКРМ. Неспособность решить приднестровскую проблему остается одним из самых тревожных проблем для Воронина, провозгласившего национальную реинтеграцию одной из своих самых приоритетных задач, а экономика и отношения с Москвой, скорее всего, окажутся теми вопросами, по которым молдавские избиратели будут судить о Воронине и ПКРМ, тогда как вступление в ЕС пока остается слишком абстрактной идеей. И хотя ПКРМ остается партией, значительно более мощной, чем любая другая, ее победа на выборах 2009 г. отнюдь не гарантирована.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каким образом вышеупомянутые методические подходы могут помочь в объяснении разных траекторий развития КПрФ и ПКРМ?

Подход, основанный на доминирующем значении культурно-исторического наследия, может в какой-то мере помочь нам, указывая на общий контекст и ключевые факторы, обеспечившие политический успех обеих партий. Как Молдова, так и Россия имели опыт вотчинного коммунизма, поскольку в прошлом они были сельскохозяйственными странами со слабыми демократическими традициями, а также с традициями коммунистическо-клиентельных отношений. В посткоммунистическую эпоху это вотчинное наследие очевидно: представители коммунистической элиты (такие как Зюганов, Путин, Воронин и Лучин-

- King, Charles (2000) *The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture*. Stanford, CA: Hoover Institution Press.
- Kitschelt, Herbert (1995) Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies, *Party Politics* 1: 447–58.
- Kitschelt, Herbert, Mansfeldova, Zdenka, Markowski, Radoslaw, Tóka, Gábor (1999) *Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Kitschelt, Herbert (2002) Constraints and Opportunities in the Strategic Conduct of Post-Communist Successor Parties: Regime Legacies as Causal Argument, in Bozóki, András and Ishiyama, John T., (eds.) *The Communist Successor Parties of Central and Eastern Europe*, pp. 14–40. Armonk, NY: M. E. Sharpe.
- KPRF (2002a) Программа политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации», From the CPRF website, www.kprf.ru/about/program.shtml, accessed 25 February 2004.
- KPRF, Ustav (2002b) Устав КПрФ. Принят XIII (внеочередным) съездом КПрФ 19 января 2002 года. From the KPRF website www.kprf.ru.s447.shtml, accessed 24 February 2004.
- KPRF (2003). За власть трудового народа! Предвыборная программа КПрФ. from the CPRF website www.kprf.su/officially/46, accessed 24 February 2004.
- Красноселов Алексей, Михайлова Инесса (2005) Юбилей подполщика Зю. *Родная газета*. 8 июля 2005. с. 4.
- Lewis, Paul G. (1994), *Political Institutionalisation and Party*

- Development in Post-Communist Poland, *Europe-Asia Studies*, 46:5, 779–799.
- Lewis, Paul G. (2000), *Political Parties in Post-Communist Eastern Europe*. London: Routledge.
 - Linz, Juan J. and Stepan, Alfred (1996), *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore and London, Johns Hopkins University Press.
 - Mahoney, James and Snyder, Richard (1999), Rethinking Agency and Structure in Regime Change, *Studies in Comparative International Development*, 34, 2, 3–32.
 - Mahr, Alison and Nagle, John D. (1995) Resurrection of the Successor Parties and Democratization in East-Central Europe, *Communist and Post-Communist Studies* 28: 393–410.
 - Makarkin, Aleksei (2005) Election in Moldova without Revolution. March 12, 2005, available online at <http://politicom.moldova.org/comentarii/eng/116>.
 - Manoliu-Manea, Maria (1983) *The Tragic Plight of a Border Area: Bessarabia and Bucovina*. Los Angeles, Calif.: American Romanian Academy of Arts and Sciences.
 - March, Luke (2001) For Victory? The Crises and Dilemmas of the Communist Party of the Russian Federation, *Europe-Asia Studies* 53: 263–90.
 - March, Luke (2002) *The Communist Party in Post-Soviet Russia*. Manchester; New York: Manchester University Press.
 - March, Luke (2004), The Putin Paradigm and the Cowering of Russia's Communists, in Cameron Ross

ский) удержались у власти, тогда как социал-демократическая, либеральная и социал-либеральная оппозиция (как российское «Яблоко» и молдавские демократическая и социал-либеральная партии) остаются очень слабыми. Более того, элементы клиентелизма явно видны в свойственной обеим странам коррупции, а также в плохо работающей посткоммунистической демократии. К этому следует добавить, что каждому из государств в наследие досталось мощное и несколько разное «полезное прошлое», что может объяснить некоторые различия в посткоммунистической траектории: имперская национал-большевистская традиция помогла Зюганову и КПРФ занять «национал-патриотическую» нишу, тогда как для ПКРМ в условиях более многонационального молдавского государства, которое в прошлом было субъектом империи такого рода стратегия не очень подходит. Поэтому ПКРМ уклоняется от всяких апелляций к сталинской эпохе и скорее подчеркивает интернационализм и межклассовую гармонию.

Идея Гржимала-Буссе, что относительно не перестроившиеся партийные элиты могут добиться успеха в основном в силу отсутствия реальных альтернатив, находит некоторое подкрепление в факте упадка КПРФ после того, как ее оппоненты укрепились и Путин усилил давление на коммунистов, а также в факте относительной слабости некомунистических сил в Молдавии, что помогло ПКРМ одержать победу как в 2001, так и в 2005 гг. Однако то, как она применяет слово «умелое», когда говорит об использовании слабости соперников, наводит на мысль, что «умелый» становится у нее синонимом слова «реформистский», а это представляется сомнительным — обе партии явно столкнулись с серьезными проблемами при разработке посткоммунистической стратегии, рассчитанной на привлечение максимально широкого электората и достижение независимости от протестного голосования. Даже относительно успешной ПКРМ по прежнему трудно опре-

делить свою современную модернизированную коммунистическую идентичность. Однако, как показал опыт КПРФ, которой удалось маргинализировать соперничающие партии-преемницы в 1992–1993 гг., изучаемые нами партии зачастую действительно проявили тактическое мастерство и умело пользовались слабостью своих оппонентов, чьи лидеры демонстрировали еще меньшую квалификацию. В первую очередь можно говорить о квалификации лидеров ПКРМ, поскольку квалификация и навыки руководства КПРФ принесли явно гораздо более скромные результаты.

Более того, такой подход, основывающийся на главенстве наследия, не может помочь предсказать, какие элементы коммунистического режима сумеют получить выгоду от наследия этого режима, до какой степени и когда. Например, вопреки Китчелту, хотя обеим некомунистическим партиям и удалось сохранить свои прежние оргструктуры, членство и электоральную нишу, в 1991 г. они все же были лишены власти и оставшегося у них политического капитала. Более того, если наследие является предопределяющим фактором, следовало бы ожидать, что КПРФ, которая развивалась на базе гораздо более сильной традиции эндогенного коммунизма, должна бы была добиться лучших результатов, чем ПКРМ, в то время как, на самом деле случилось обратное.

Для объяснения такого рода явлений нам необходимо привлечь случайные факторы и факторы, связанные с разной способностью к политическим действиям. И действительно, Китчелт внес серьезные поправки в свои ранние теории, доказывая, что наследие может быть подорвано в результате «уникального экзогенного исторического шока, идиосинкразии совпадений по времени и тем или иным конкретным выбором, сделанным руководством», и что подавленные титульные национальности могут вынудить даже глубоко укоренившуюся коммунистическую партию

(ed.) *Russian Politics Under Putin*. Manchester: Manchester University Press.

- March, Luke (2005) *The Moldovan Communists: From Leninism to Democracy*. Glasgow: University of Strathclyde.
- Марч Люк (2006) Коммунистическая партия Молдовы: от ленинизма к демократии. *Уральский вестник международных отношений*. т. 5. 2006, стр. 92–117.
- March, Luke (2007) From Moldovanism to Europeanization? Moldova's Communists and nation-building, *Nationalities Papers*, forthcoming, September.
- Мельников Иван (2004) Об эффективности работы коммунистов в органах законодательной, исполнительной власти и в местном самоуправлении, *Диалог* № 4–5, апрель-май 2004, с. 3–15
- McFaul, Michael and Petrov, Nikolai (1997) Russian Electoral Politics after Transition: Regional and National Assessments *Post-Soviet Geography and Economics* 38: 507–49.
- *Молдавские ведомости* (2002) Воронин-самый авторитетный бизнесмен. *Молдавские ведомости*. 5 октября 2002 г. .
- Moser, Robert G. (2001) *Unexpected Outcomes: Electoral Systems, Political Parties, and Representation in Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Мошняга, Валериу (1998) Президентские выборы в Молдове: опыт предшествующих (1991, 1996) и перспективы предстоящих (2000) (избирательных кампаний // Мошняга Валериу (ред.) *Электоральные технологии и президентские выборы*, с. 57–75. Chişinău: CAPTES.

- Мошняга, Валериу и Руснак Г. (2001) Парламентские (2001) выборы в республике Молдова: специфика, результаты, электоральные стратегии и технологии. *Moldoscopie (Probleme de analiza politica)* XVI: 1–10.
- Nantoi, Oazu (2003) Author's Interview with Oazu Nantoi, a leader of Social Democratic Party of Moldova and Programme Director at Institutul de Politici Publice (IPP), Chişinău, 15 October 2003.
- Neukirch, Claus (2001) *Moldovan Headaches: The Republic of Moldova 120 Days after the 2001 Parliamentary Elections*. Hamburg: University of Hamburg, Centre for OSCE Research.
- Newline, RFE/RL (2001a) Bucharest, Tiraspol not Enthusiastic over Communist Victory, *RFE/RL Newline Part II*, 28 February 2001.
- Newline, RFE/RL (2001b) Voronin Re-Elected Moldovan Communist Leader, *RFE/RL Newline Part II* 5: 23 April 2001.
- Orenstein, Mitchell A. (1998) A Genealogy of Communist Successor Parties in East-Central Europe and the Determinants of their Success *East European Politics and Societies* 12: 472–99.
- Panebianco, Angelo (1988), *Political Parties: Organization and Power*. Cambridge: Cambridge University Press.
- ПКРМ (2001) *Программа и устав Партии коммунистов Республики Молдова*. Chişinău: PCRM.
- PCRM (2004): Rezoluția Congresului al V-lea (al XXII-lea) al Partidului Comunistilor din Republica Moldova privind raportul politic al Comitetului Central al PCRM Congresului și sarcinile partidului. From ADEPT website (www.parties.democracy.md), accessed 17 December 2004.

пойти на переговоры или капитулировать (Kitschelt, 2002). Как мы видели, недовольство титульного молдавского большинства, падение коммунизма в Румынии и соперничество региональных элит Молдовы и стали тем «шоком», который вынудил КПМ быстро капитулировать. В России же партия могла оказать сопротивление требованиям о капитуляции в силу относительной слабости национально-го движения, глубоко эшелонированных позиций сторонников твердой линии в партии и влияния Горбачева.

Но нам все еще нужно объяснить феномен воссоздания партии, и мы можем определить решающие моменты в формативный период, как это изложено у Гржимлы-Буссе. Ни одна из партий не смогла полностью порвать со своим прошлым, и попытки сохранить элементы этого прошлого при адаптации к условиям постсоветской окружающей среды стали прочным элементом их стратегии. Обе партии стремились выстроить свои организационные структуры на основе демократического централизма, и обе были отягощены большим традиционалистски настроенным рядовым составом, что оказалось палкой о двух концах, особенно в случае с КПрФ. Кроме того, в этот же период произошла консолидация руководящих когорт обеих партий и определился внутрипартийный баланс сил (КПрФ при этом стала значительно менее единой и управляемой, чем ПКРМ), что повлияло на электоральный и институциональный пейзаж в рамках которого каждой из партий пришлось с тех пор действовать.

Однако многие моменты периода становления не контролировались партийным руководством и не ограничились рамками 1989–1991 гг. Например, запреты партий имели длительный и контрпродуктивный эффект на их будущее развитие. Поскольку они не были подкреплены ни в первом, ни во втором случае люстрацией бывших представителей партийной элиты, эти запреты лишь усилили ощущение обиды, дали партиям возможность оказаться

не вовлеченными в посткоммунизм и вновь появиться на политической сцене, заряженными новым импульсом (Curry and Urban, 2003).

Временной фактор сыграл очень важную роль: хотя «национал-патриотическая» стратегия КПрФ может рассматриваться как обусловленная наследием, именно в период запрета 1991–1992 гг. (когда партия была вынуждена сотрудничать с доминировавшими тогда националистическими тенденциями и имела очень сложные отношения с крайне левыми) Зюганов предстал в роли лидера партии и разработал партийную стратегию, которая главным образом была направлена на сотрудничество с националистическими «правыми». В случае ПКРМ, тот факт, что партия не выступала в качестве политической силы до национальных выборов 1998 г., означал, что ей удалось избежать обвинений в причастности к политике, проводившейся правившим до 1998 г. парламентом, позиционировать себя как аутсайдера по отношению к политической элите и предстать как единственная неиспробованная политическая сила с «чистыми руками» — позиция, которая в значительной степени обеспечила коммунистам победу в 2001 г. (Hill, 2001).

Факторы окружающей политической среды являются еще более значимыми при объяснении степени успеха партий: сверхпрезидентский режим в России удерживал центральную исполнительную власть вне досягаемости КПрФ, при этом на нее оказывалось административное и электоральное давление, что в 2003–2004 гг. привело к утрате партией половины своего электората и почти двух третей своего членского состава. В Молдавии же, напротив, полупрезидентская система способствовала правительственной нестабильности, которой сумела воспользоваться ПКРМ, и предоставила ей большее институциональное пространство для организации и для демонстрации мускулов своей парламентской фракции. Глубокий социально-экономический кризис в каждой из стран обеспечил подпитку пар-

- PCRM (2005) Together with us Moldova will win!, Platform of the Party of Communists for the 2005 Parliamentary Elections, <http://www.pcrm.md/en/>, accessed 15 May 2007.
- Racz, Barnabas and Bukowski, Charles J. (1999) *The Return of the Left in Post-Communist States: Current Trends and Future Prospects*. Cheltenham: Edward Elgar.
- *Родная газета* (2004) Кто там шагает левой? И куда? *Родная газета*. 23–29 января 2004. www.rodgaz.ru. Accessed 15 February 2004.
- Roper, Steven D. (2002) Regionalism in Moldova: The Case of Transnistria and Gagauzia in Hughes, James and Sasse, Gwendolyn, (eds.) *Ethnicity and Territory in the Former Soviet Union*, pp. 101–12. London: Frank Cass.
- Ростовский М. (2003) Покупка красного коня. Как разлагалась КПрФ, *Московский комсомолец* 12 февраля 2003 г. www.mk.ru.
- Рудинский, Ф. М. (1999) Дело КПСС в Конституционном суде. М.: Былина.
- Sakwa, Richard. (1996) *The Communist Party of the Russian Federation and the Electoral Process*. Glasgow: Centre for the Study of Public Policy University of Strathclyde.
- Sakwa, Richard (1998a) Left or Right? The CPRF and the Problem of Democratic Consolidation in Russia, *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 14: 128–58.
- Sakwa, Richard (1998b) *Soviet Politics in Perspective*. London: Routledge.
- Sakwa, Richard (2005) The 2003–4 Russian Elections and Prospects for

Democracy, *Europe-Asia Studies*, Vol. 57, No. 3, pp. 369–398.

- Shugart, Matthew Soberg and Carey, John M. (1992) *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Socor, Vladimir (2005a) Moldova's political sea change, *The Jamestown Foundation Eurasia Daily Monitor*, Vol. 2, No. 70, April 11, 2005.
- Socor, Vladimir (2005b) Moldova's Voronin Re-elected President with Broad Democratic Support' *The Jamestown Foundation Eurasia Daily Monitor*, Vol. 2, No. 66, Tuesday, April 5, 2005.
- *Советская Молдавия* (1990). На пленуме ЦК Компартии Молдовы. *Советская Молдавия* 20 октября 1990. с. 3.
- Stepaniuk, Victor (2003) În Țara Asta Sunt Prea Mulți Români *Timputul* 8: 3 October 2003.
- Stoicov, Iurie (2003) Author's interview with Iurie Stoicov, Central Committee Member of PCRM for Ideology, Chișinău, 29 September 2003.
- Szczerbiak, Aleks (2003) The Polish Centre-Right's (Last) Best Hope: The Rise and Fall of Solidarity Electoral Action, Paper presented for ECPR General Conference, University of Marburg, 18–21 September 2003.
- Tkaciuk, Mark (2006): Author's interview with Mark Tkaciuk, domestic presidential adviser, PCRM secretary Chișinău, 17 April 2006.
- United Nations Development Fund (2000) *Towards a Culture of Peace. National Human Development Report, Republic of Moldova*. Chișinău: United Nations Development Fund.

тий за счет недовольных, при этом большая интенсивность социально-экономических бед, обрушившихся на Молдову, обеспечила ПКРМ большим резервуаром протеста, из которого она почерпнула силы для победы в 2001 г. Экономический рост, начавшийся в обеих странах в 2000 г., имел различный эффект: он помог ПКРМ обеспечить свое переизбрание в 2005 г., тогда в России он, напротив, привел к упадку оппозиционной КПРФ.

Однако из всех перечисленных здесь факторов способность к политическому действию, похоже, имеет наибольшее значение для объяснения степени и временных рамок партийного успеха, а также того, почему КПРФ не достигла того успеха, которого добилась ПКРМ. Несмотря на зюгановские внутривнутрипартийные тактические таланты, ему не удалось ни сформулировать убедительное стратегическое видение для своей весьма разобщенной после 1996 г. партии, ни добиться большой популярности в широких массах. Вместо этого он стал препятствием на пути обновления партии, столкнувшейся при Путине со все большим противодействием. Воронин, напротив, сумел сочетать свою привлекательность для масс с твердой руководящей ролью в своей партии. Быстрое вторжение ПКРМ в посткоммунистическую политику было облегчено кончиной АПДМ — главной партии-преемницы, а также просчетами основных политических оппонентов коммунистов на выборах в 2001 и 2005 гг. Такие факторы могут быть объяснены наследием (как свидетельство слабости оппозиции в рамках бывшей вотчинно-коммунистической системы). Однако поскольку некомунистическая оппозиция также включала бывших коммунистов (таких как бывший молдавский комсомольский вожак Дмитрий Брагиш, который в 2005 г. был лидером блока Демократическая Молдова), а роль чисто ситуативных факторов была очевидна, объяснение, при котором ведущая роль отдается политическим способностям лидеров выглядит гораздо более убедительной.

Эти выводы дают основания внести некоторые коррективы в существующие подходы к феномену выживаемости некоммунистических левых в бывшем СССР и за его пределами. Мы могли бы ожидать, что фактор наследия должен играть большую роль в эволюции партий-преемниц, которые как демонстрировали некоторую организационную преемственность с советским прошлым, так и претендовали на его наследие, чем в партии любого иного типа. Однако, даже несмотря на то, что успех таких партий был в значительной степени обеспечен вотчинным коммунизмом и тем, какое воздействие он оказывал на раннем этапе переходного периода, он во все большей степени является результатом конверсии наследия в современный политический капитал, институциональных стимулов, политических действий и чисто случайных комбинаций событий, а не просто наследием прошлого. Учитывая это, мы можем ожидать постепенное ослабление предсказательного эффекта как подхода, основанного на главенстве наследия, так и подхода, ставящего во главу угла период становления. Посткоммунистические партии, более радикально порвавшие с прошлым или неоднократно выступавшие на посткоммунистических выборах, очевидно, в меньшей степени должны зависеть от наследия, чем рассмотренные нами партии. Более того, наш анализ разошедшихся идеологических путей и разных успехов на выборах двух «неперестроившихся» партий говорит, что их следует рассматривать в меньшей степени как пассивных наследников благодатного прошлого и в большей степени как активных участников неопределенного настоящего. В случае КПРФ стратегические и тактические способности и достижения ее руководства в условиях этой неопределенности оказались недостаточными.

Перевод Кристины Батог

- Urban, Joan Barth and Solovei, Valerii D. (1997) *Russia's Communists at the Crossroads*. Boulder, Colo: Westview Press.
- Воронин, Владимир (2001) *Ваша судьба в ваших руках*. Chisinau, PCRM: 2001.
- Voronin, Vladimir (2006), Strategy of Creation: The Speech of the Chairman of the PCRM, Vladimir Voronin, on the Festive Meeting with the PCRM Active, Chisinau, 18 March 2006, from PCRM website <http://www.pcrm.md/en/5years.php>, accessed 15 May 2007.
- Vujacic, Veljko (1996) Gennadiy Zyuganov and the Third Road *Post-Soviet Affairs* 12: 118–54.
- Ward, Chris (1999) *Stalin's Russia*. London: Arnold.
- Way, Lucan A. (2002) Pluralism by Default in Moldova, *Journal of Democracy* 13: 127–41.
- Wegren Stephen K. and Andrew Konitzer (2006) The 2003 Russian Duma Election and the Decline in Rural Support for the Communist Party, *Electoral Studies* 25, no. 4 (Dec 2006): pp. 677–695
- Wilson, Andrew (2005), *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. Yale: Yale University Press.
- Зюганов Геннадий (2005), Народный подъем в России и задачи партии (29.10.2005). website, www.cprf.ru/party/materials/material_xi/45795.html, accessed 13 February 2007.
- Зюганов Геннадий (2006), Доклад председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова на VII пленуме ЦК КПРФ (17.06.2006). website, www.cprf.ru/party/materials/yttuiuy/45782.html, accessed 13 February 2007.